

На правах рукописи
Гладкова

Гладкова Олеся Владимировна

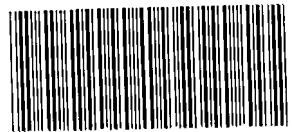
**Цикл агиографических текстов о Св. Евстафии Плакиде
в русской средневековой литературе:
история создания и опыт интерпретации**

Специальность 10. 01. 01 – русская литература

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

– 2 СЕН 2015

Москва 2015

005561854

Работа выполнена в РОО «Общество исследователей Древней Руси».

Официальные оппоненты:

Кириллин Владимир Михайлович,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела древнеславянских литератур Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук» (Федерального агентства научных организаций), профессор Московской духовной и Минской духовной академий Русской Православной Церкви, заведующий кафедрой филологии МДА;

Конявская Елена Леонидовна,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра по истории древней Руси Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт российской истории Российской академии наук»;

Юхименко Елена Михайловна,

доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела рукописей Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный исторический музей», заслуженный работник культуры РФ.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)».

Защита состоится 8 октября 2015 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.155.01 по литературоведению в ФГБОУ ВПО «Московский государственный областной университет» по адресу: 105005, Москва, ул. Энгельса, д. 21а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Московский государственный областной университет» по адресу: 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а.

Автореферат разослан «19» *августа* 2015 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Т. А. Алпатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Христианская Церковь издавна почитает Св. Евста́фия Плаки́ду († 20 сент.) как великомученика, пострадавшего, согласно его Житию, в 118 г. в Риме при императоре Адриане. Житие Св. Евстафия Плакиды, созданное в Византии, стало популярнейшим произведением мировой литературы Средневековья. Исследователи давно отметили, что оно было написано под влиянием своего непосредственного предшественника – античного романа, воспринявшего восточную, в первую очередь, индийскую традицию. Житие Св. Евстафия увлекало читателя «вечными» сюжетами – рассказом о явлении Божественного оленя с крестом между рогами, захватывающим и одновременно трогательным повествованием о приключениях на суше и на море, о разлучении и воссоединении семьи, в то же время оно обращалось к фундаментальным вопросам бытия и говорило о сущности мирового порядка, о борьбе добра и зла, о Теофании, о Крещении и о Спасении во Христе.

Житие Св. Евстафия Плакиды так или иначе повлияло на многие произведения Средневековья и Нового времени разных стран и народов и стало феноменом европейской культуры. С принятием христианства Житие Св. Евстафия широко распространилось сначала в славянской (южнославянской), а затем и в русской (древнерусской, восточнославянской) средневековой книжности *во множестве переводов и редакций*. Таким образом, с течением времени образовался целый *цикл агнографических текстов*, посвященный Св. Евстафию¹. Строго говоря, это не был цикл в его современном понимании, это был скорее конгломерат разнообразнейших преимущественно анонимных версий Жития (и Службы), которые порой могли быть действительно тесно связаны друг с другом, что, в сущности, отвечало требованиям церковного Устава, а порой возникали и существовали независимо друг от друга на протяжении около тысячи лет в силу ряда исторических, литературных, политических и других причин, о которых пойдет речь в настоящей работе.

Актуальность избранной темы определяется ее теоретической значимостью и перспективностью для современной медиевистики, одним из направлений которой в настоящее время является изучение переводной агнографии, долгое время остававшейся во многом по идеологическим причинам на периферии научных исследований. Актуальность работы обусловлена, таким образом, ее ориентированностью на решение целого комплекса научных проблем, в первую очередь: научной оценки обнаруженного цикла переводных текстов о Св. Евстафии Плакиде в литературе *Slavia Orthodoxa*; фундаментального изучения и интерпретации религиозно-мистических, философских, этических, социально-исторических, политических и художественно-эстетических представле-

¹ В этом плане «евстафиевский» цикл не был чем-то необычным: подобные агнографические циклы возникали с почитанием почти каждого святого, так, широко известны циклы, посвященные святым Николаю Мирликийскому, славянским первоучителям Кириллу и Мефодию, русским князьям-страстотерпцам Борису и Глебу и др.

ний, отразившихся в разных переводах и редакциях этого памятника раннего христианства, получившего необычайную популярность в странах византийского ареала; историко-художественной реконструкции влияния текстов о Св. Евстафии на произведения оригинальной литературы и связей Жития с произведениями агиографических и неагиографических жанров.

Степень изученности проблемы. О роли византийской литературы в литературе Средневековой Руси и стран византийского ареала написано немало, в частности, об этом писали русские и зарубежные ученые, чей опыт и методологию мы учитываем в своей работе, – А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, А. С. Орлов, Н. А. Мещерский, В. Д. Кузьмина, И. П. Еремин, С. Матхаузерова, Р. Пиккио, Д. С. Лихачев, Ф. Томсон, Д. М. Буланин, В. М. Живов и многие другие.

Для переводного произведения, безусловно, важно и изучение самого оригинала. Известно, что Житие Св. Евстафия Плакиды (далее – ЖЕ или Житие) было составлено значительно позже описываемых в нем событий, предположительно в V-VI вв., и не в Риме, в котором начинаются и заканчиваются события Жития, а, скорее всего, в Константинополе на греческом языке. Впервые текстуальное свидетельство существования ЖЕ обнаруживается у Иоанна Дамаскина († ок. 750 г.), который цитировал его в своем третьем Слове в защиту иконопочитания, написанном после 730 г. Цикл агиографических текстов о Св. Евстафии начал формироваться еще в Византии: известен целый ряд греческих и латинских версий ЖЕ. В греческой традиции выделяют три версии ЖЕ: анонимное Мучение (ВНГ 641), близкое славянским переводам; редакцию Симеона Метафраста (ВНГ 642), а также Похвальное Слово Св. Евстафию и его семье, написанное Никитой Пафлагоном (ВНГ 643). Существуют также краткое синаксарное ЖЕ и Служба Евстафию, его жене и чадам. Специального исследования греческих текстов, посвященных великомученику, нет, поэтому изучение славянской традиции помогает сориентироваться в греческих источниках Жития. По возможности, мы учитываем труды зарубежных ученых, писавших о ЖЕ в византийской литературе, таких как, в первую очередь, И. Делез, М. ван Эсбрук и Ст. Баталова, а также отечественных исследователей – Д. П. Шестакова, П. В. Безобразова, В. М. Жирмунского, В. М. Лурье и некоторых других.

Как известно, И. Делез посвятил ЖЕ отдельную работу², на его концепцию опирались практически все дальнейшие исследователи, писавшие о ЖЕ. Ученый болландист разделил все мученичества на исторические и эпические. Эпические мартирии, имеющие несомненное сходство с сюжетами античных романов, такие как ЖЕ или Житие Ксенофонта и Марии, Делез предложил называть «агиографическими романами» и практически относил их к области литературы. Делез указал на аналоги сюжета ЖЕ в индийском эпосе, оказавшем

² Delehaye H. La légende de S. Eustache // Delehaye H. Mélanges d'hagiographie grecque et latine. Bruxelles, 1966. P. 212-239.

сильнейшее влияние на сюжетосложение античного романа, а через его посредство и на житийную литературу. А. Н. Веселовский, говоря о жанре подобных житий, еще раньше Делез называл их «христианскими романами», но не оставался на изучении ЖЕ.

Замечания Д. П. Шестакова об отдельных мотивах ЖЕ в сопоставлении с мотивами некоторых европейских произведений оказались важными для понимания символического подтекста ЖЕ. П. В. Безобразов привел ряд примеров появления сюжета об олене в мировой литературе и мифологии, а также отметил несомненное сходство в облике оленей греческой былины о Дигенисе Акрите и ЖЕ. Говоря о ЖЕ, Безобразов фактически ограничился пересказом его метафрастовой редакции. Подобные житийные памятники, восходящие к античной традиции, Безобразов вслед за Веселовским и болландистами называл «романами». В. М. Жирмунский оставил ряд ценных замечаний о времени создания, о жанре и о месте ЖЕ в литературном процессе.

Сразу несколько ученых независимо друг от друга пришли к выводу о проявившейся в ЖЕ «Константиновой модели», об отождествлении Св. Евстафия и императора Константина Великого на основании явления Креста и последующего принятия христианства. О «Константиновой модели» в ЖЕ применительно к древнерусскому иконографическому материалу писала Н. Н. Никитенко. О параллели «Евстафий – Константин» писал М. ван Эсбрук, точку зрения ван Эсбрука поддержал его ученик В. М. Лурье. К выводам о существовании аналогии «Константин – Евстафий – князь Владимир» пришли мы на основе анализа нашего литературного материала. Об уподоблении Владимира Евстафию и Константину независимо от вышеперечисленных исследователей писали А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский. Все эти наблюдения оказались ценными для герменевтического анализа идеологемы, сложившейся в древнерусской литературе, культуре и политике на основе ЖЕ.

Болгарская исследовательница Ст. Баталова проделала огромную работу по текстологическому изучению цикла латинских версий ЖЕ с критическим привлечением греческого материала. В частности, она высказала предположение, что архетипом Чуда об олене является инициация героя; важны отдельные замечания Баталовой об использовании в Чуде модели «тричастности на инициацию» (выход за пределы града – восхождение на гору – отделение от свиты), о символике горы (в христианстве гора, по Баталовой, – это средоточие нечистой силы или непознанного или место для размышления, равнозначное пустыне), о символике самой фигуры оленя.

Однако никто из ученых не рассматривал символический подтекст именно славянских переводов ЖЕ. И одна из причин такого положения заключается в недостаточной разработанности в славистике самой методики анализа агиографического произведения, в котором отразилось средневековое символическое мышление. Необходимость создания такой методики ста-

новится особенно очевидной на фоне растущего интереса к переводной и оригинальной агиографии.

О символическом характере средневековой культуры и литературы Византии и Древней Руси писали многие известные исследователи – Ф. И. Буслав, А. С. Уваров, Н. И. Прокофьев, Д. С. Лихачев, С. С. Аверинцев и другие. На труды указанных авторов, а также на ряд других новейших исследований (А. Р. Демирханяна, А. Г. Дунаева, В. М. Кириллина, А. М. Лидова, О. Е. Нестеровой, И. А. Протопоповой, А. М. Ранчина, А. Н. Ужанкова, Л. И. Щёголевой и др.) мы опираемся в изучении символического подтекста ЖЕ.

В то же время следует особо подчеркнуть, что символический подтекст и тесно связанную с ним ритмическую структуру средневекового произведения практически невозможно понять в полном объеме без учета акцентуации, графики и орфографии рукописи. О необычайно важной роли точного воспроизведения рукописного текста для изучения средневекового произведения как литературного феномена сравнительно недавно писали В. В. Кусков и Н. И. Прокофьев³. Однако исследователи только указали на важность этой проблемы, но не успели предложить сколько-нибудь целостной системы анализа.

Необходимо отметить, что как в Средние века, так и в Новое время далеко не все признавали и признают символическую природу сакральных текстов. А среди тех, кто признавал и признает в Св. Писании, в созданных по его образцу житийных текстах и, шире, в средневековом искусстве символический план, нет единства в его понимании. Надо сказать, что споры о том, как толковать Св. Писание, начались в глубокой древности. Так что проблема изучения средневекового символизма поныне продолжает оставаться объектом научной дискуссии.

Настоящая работа выполнена в жанре, давно известном в отечественной и зарубежной медиевистике, – это монографическое исследование не изученного ранее переводного агиографического памятника, имевшего богатую и сложную историю в *рукописной традиции* в русской литературе и – шире – литературе Slavica Orthodoxa, образующего целый цикл текстов, поэтому мы могли опираться на близкие по жанру труды своих предшественников: В. П. Адриановой-Перетц, С. А. Авериной, И. Петрович, Л. В. Соколовой, И. Н. Лебедевой, М. С. Крутовой, Я. Милтенова, С. Я. Сендеровича и многих других. Так же, как и названным исследователям, нам пришлось решать не решенные ранее применительно к избранному памятнику вопросы текстологии и поэтики, политики и идеологии, связей литературы и изобразительного искусства, фольклора и литературы и т. д.

Первоочередная цель данной работы состоит в воссоздании истории цикла агиографических текстов, посвященных Св. Евстафию, в русской средневе-

³ Кусков В. В., Прокофьев Н. И. Критические раздумья о современных научных изданиях памятников древнерусской литературы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 1993. № 5. С. 35-37.

ковой литературе как части литературы Slavia Orthodoxa. В соответствии с этим мы ставим в нашем исследовании ряд задач, общую последовательность решения которых при изучении средневекового произведения, существовавшего в рукописной традиции, сформулировал еще В. Н. Перетц⁴: 1) определение круга привлекаемых списков и старопечатных изданий ЖЕ, то есть первичный отбор материала и создание необходимой источниковедческой базы для изучения цикла текстов, посвященных Св. Евстафию; 2) классификация обнаруженных текстов: определение типа текста (перевод, редакция, вид, вариант) по каждому списку и некоторых его особенностей, установление места данного типа текста в рукописной традиции ЖЕ, выявление некоторых особенностей гипотетического греческого оригинала каждого перевода; 3) рассмотрение вопроса о времени, месте и обстоятельствах появления древнейших переводов; 4) рассмотрение вопроса о различии перевода и редакции переводного произведения; 5) интерпретация произведения: выявление жанровой специфики, художественной структуры и семантики, а также символики переводных текстов о Св. Евстафии; 6) выявление и анализ литературных произведений, созданных под влиянием ЖЕ; 7) выявление древнерусских памятников изобразительного искусства, посвященных Евстафию Плакиде, и герменевтическое осмысление текстов о Св. Евстафии в этом контексте.

Объектом исследования стал цикл славяно-русских литературных памятников, посвященных Евстафию Плакиде. Названный цикл формировался на протяжении веков, в первую очередь, как уже говорилось, в соответствии с требованиями церковного Устава, и состоял из разных переводов, редакций и видов «большого» Жития, то есть входящего в Четвы Миней (далее – ЧМ), Торжественники и др. четвы сборники, и «малого» (прóложного) Жития, а также Службы. Материалом исследования послужили прежде всего 305 списков ЖЕ в составе русских и славянских рукописей XIII-XIX вв., из которых de visu было обследовано 183 списка «большого» Жития, по возможности учтено 29 списков, не имеющих электронных копий и не изданных, отмечены свидетельства существования 4 списков, местонахождение которых не установлено; de visu обследовано 86 списков «малого» Жития. В ходе исследования мы обратились также к 3 древнейшим (XI-XIII вв.) русским спискам Службы Евстафию, его жене и чадам. Мы использовали, насколько это возможно в настоящее время, рукописный материал из древлехранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Пскова, Твери, отдельные списки из собраний Калуги, Коврова и Петрозаводска; Киева и Львова; Софии и Рильского монастыря в Болгарии, а также Белграда. Значительную информацию о текстах ЖЕ мы почерпнули в знаменитой рукописной картотеке Н. К. Никольского (БРАН, Санкт-Петербург), а также в печатных, рукописных и электронных каталогах древлехранилищ. К исследованию были также привлечены публикации текстов, посвященных Евстафию Плакиде, в составе различных сборников – Великих Миней Четвых (далее

⁴ Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922. С. 96-102.

– ВМЧ), Пролога, Римских деяний (далее – РД) и др. Особенностью истории этого, как, впрочем, и множества подобных ему ранних средневековых анонимных переводных агиографических памятников, является то, что в силу исторических причин южнославянские по происхождению тексты представлены в *подавляющем большинстве, а в некоторых случаях только восточнославянскими (русскими) списками, составившими богатейшую русскую традицию.* Таким образом, в нашем исследовании мы привлекаем в основном восточнославянские списки текстов о Св. Евстафии, однако учитываем другие славянские тексты о нем, отчасти тексты, возникшие в пограничной зоне Slavia Orthodoxa и Slavia Romana, а также греческую и латинскую традиции. Мы обратились к ряду произведений литературы Slavia Orthodoxa по рукописным (8 списков) и печатным источникам (жития Св. Константина-Кирилла Философа, Св. Саввы, Чтение о Свв. Борисе и Глебе Нестора, Сказание о Мамаевом побоище, Повесть от жития Свв. Петра и Февронии Муромских Ермолая-Еразма, Сказание о Феодоровской иконе Божьей Матери и др.), а также к иконографическим материалам (иконам, рельефам, фрескам и т. д.), помогающим ответить на ряд вопросов, связанных с герменевтическим осмыслением памятника. Таким образом, в нашем исследовании рассмотрено в общей сложности **313** рукописных источников (не считая опубликованных) и **38** памятников изобразительного искусства.

Предметом исследования стала многовековая история создания цикла, а также литературно-художественные особенности текстов, посвященных Св. Евстафию Плакиде.

Хронологические рамки исследования – XI-XIX вв. Старшая дата определяется временем, не позже которого ранние тексты о Св. Евстафии вошли в литературу Древней (Средневековой) Руси: именно XI в. датируются Чтение о Борисе и Глебе Нестора, где впервые цитируется обширный фрагмент Жития, и русские списки Службы Св. Евстафию и его семье. Младшая дата определяется временем создания наиболее поздних редакций и списков Жития преимущественно старообрядческой рукописной традиции.

В работе были использованы различные **методы научного исследования**: комплексный филологический анализ источников, с учетом историко-культурного аспекта: метод археографического анализа рукописей, метод сравнительно-текстологического анализа, а также метод семантико-герменевтического анализа и интерпретации структуры художественного текста. Избранная методология определена целью и задачами, поставленными в исследовании.

Научная новизна работы определяется решением поставленных задач, применяемыми методами научного исследования, а также предлагаемой общей методикой исследования переводного агиографического произведения. Итак, **во-первых**, неизвестна история цикла текстов, посвященного Св. Евстафию, в рукописной традиции, неизвестно даже общее количество переводов и редак-

ций Жития, соответственно нет научного критического издания текстов. Остается дискуссионным вопрос о времени и месте возникновения раннего перевода ЖЕ, I, по нашей классификации. Мнения традиционно разделились: болгарские ученые считали родиной древнейшего перевода Болгарию (Охрид – Преслав), российские ученые считали, что перевод Жития был выполнен «еще в Киевской Руси». Цикл текстов о Св. Евстафии никогда не являлся объектом отдельного исследования, за исключением наших скромных попыток наметить хотя бы некоторые перспективы в изучении *почти тысячелетней истории* его существования в русской и славянской книжности⁵. Конечно, о ЖЕ неизменно говорилось в обзорных работах, посвященных раннему периоду русской и славянской письменности, в учебных пособиях, оно фиксировалось, хотя далеко не всегда, при описании рукописей. Однако составители описаний зачастую не могли определить перевод или редакцию ЖЕ, поскольку не располагали необходимыми данными для работы с этим текстом. Выдвинутая нами в 1992-1996 гг. классификация переводов ЖЕ неоднократно обсуждалась на конференциях и научных семинарах. Отдельным исследователям казался спорным сам тезис о наличии разных переводов ЖЕ, которые наши оппоненты предлагали считать редакциями одного перевода. Нужно сказать, что представление об одном славянском переводе ЖЕ и множестве его редакций давно стало общим местом в медиевистике. Позиция противников нашей классификации со всей определенностью выразилась в статье болгарской исследовательницы Ст. Баталовой, посвященной критическому анализу наших ранних работ⁶.

В 90-е гг. мы предприняли попытку рассмотреть ЖЕ в составе древнерусского Пролога. С тех пор ситуация с изучением этого сборника значительно изменилась благодаря появлению исследований С. А. Давыдовой, О. В. Лосевой, Л. В. Прокопенко, М. В. Чистяковой и др. В настоящее время с новой силой разгорелись споры об истории формирования сборника на славянской почве, об очередности возникновения редакций Пролога. Однако само по себе ЖЕ не входило в сферу научных интересов исследователей и не рассматривалось отдельно в свете новых данных. Изучение эволюции единичного агиографического памятника в составе Пролога, с нашей точки зрения, может дополнить представление об истории сборника в целом.

Во-вторых, фактически вне поля зрения исследователей оставались литературные особенности переводного цикла текстов, являющегося частью обширного византийского наследия.

В-третьих, ЖЕ повлияло (или могло повлиять) на многие оригинальные произведения, прежде всего, на агиографию, но это влияние остается по сей день в большинстве случаев скрытым для исследователей. Так, например, Повесть о Петре и Февронии или Повесть о царе Аггее никогда не рассматривались в таком аспекте. Можно сказать, что даже хрестоматийно известные факты

⁵ См. список наших работ в конце.

⁶ *Batalova St. The Tradition of the hagiographical cycle about St. Eustathius Placidus in Slavonic – some parallels and common research problems // Palaeobulgarica / Старобългаристика. XXXI, 2007. № 4. С. 27-46.*

цитирования ЖЕ в Житии Константина-Кирилла Философа или в Чтении о Борисе и Глебе, по сути, малоизучены и нуждаются в дальнейшем исследовании.

И, в-четвертых, в полной мере никогда не рассматривался вопрос о том, как воспринимались тексты о Св. Евстафии читателями, чем привлекали они русского средневекового человека. Безусловно, ответить на этот вопрос помогает анализ рукописной и литературной традиций, но в значительной мере дополнить складывающуюся картину могут иконографические материалы. Однако и этот аспект в изучении памятника оставался без внимания.

Таким образом, в диссертации впервые предлагается классификация текстов Жития, реконструкция истории сложения цикла о святом и интерпретация текстов, образующих агиографический цикл о Св. Евстафии Плакиде. Кроме того, целый ряд произведений, созданных под явным влиянием ЖЕ или реализующих те же «международные» сюжеты и мотивы, что и Житие, выявлены и рассматриваются в настоящей работе впервые.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что оно может быть использовано при преподавании академических курсов по средневековой русской (древнерусской) литературе, по истории культуры Древней (Средневековой) Руси и других славянских стран, в спецкурсах и спецсеминарах, при создании фундаментальной истории русской и славянских литератур, в исследовательской работе, при составлении описаний рукописных собраний, а также научного комментария к ряду литературных произведений. В диссертации предлагается концептуальная история многовекового существования переводного агиографического памятника, что делает возможным, в частности, научное издание цикла текстов, посвященных Евстафию Плакиде. Работа может также представлять интерес для специалистов смежных областей – лингвистов, историков, искусствоведов, агиологов и философов.

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1) Изучение обширной рукописной традиции ЖЕ показало, что цикл переводных текстов о Св. Евстафии Плакиде стал феноменом как литературы Православного Славянства, так и русской (восточнославянской) средневековой литературы, являющейся ее неотъемлемой частью.
- 2) Анализ более 300 славянских списков ЖЕ XIV-XIX вв., подавляющая часть из которых восточнославянские по происхождению, впервые позволяет предложить детализированную классификацию текстов Жития; таким образом, теперь можно сказать, что рассматриваемый цикл состоял из 11 переводов, 42 редакций, 3 подредакций, 30 видов и 4 изводов Жития (а также Службы).
- 3) Для памятника эпохи раннего христианства, обращенного к монастырской и княжеской интеллектуальной элите, характерна организация текста на основе средневековых представлений о триадности его смысла. Три уровня смысла агиографического произведения (событийный, дидактический и мистический) проявляются в произведении самыми разнообразными способами – посредством всей

художественной структуры жития, а также посредством орфографии, пунктуации, акцентных знаков рукописи, ритма, рифмы.

4) В высшем, мистическом смысле, в отсутствии реального (и художественного) времени земная жизнь предстает в ранних текстах ЖЕ как «повторение» мира идеального. Так, например, важнейшая для ЖЕ тема семьи в высшем смысле разворачивается как утверждение союза Христа и Церкви, что является залогом Спасения.

5) Демократизация общества и литературного процесса, усиление авторского начала привели писателей XVII в., в частности, Св. Димитрия Ростовского, к решительному отказу от третьего, мистического, уровня ранних текстов Жития. Важнейшей задачей для Святителя при составлении новой редакции Жития стало изложение особой социальной программы, обоснование идеала семейных и государственных отношений, пастырское поучение и просвещение читателя.

6) Рассмотрение в целом генезиса сюжета о явлении рогатого животного как посланника небес (в нашем случае – оленя) помогает установить место ЖЕ в истории развития этого мирового сюжета, а также выявить ряд произведений, созданных как непосредственно под влиянием ЖЕ, так и в русле общемирового развития сюжета о явлении Божественного животного.

7) ЖЕ в ранних версиях явилось частным случаем реализации так называемой «Константиновой модели», то есть примера принятия христианства после явления Божественного знака – Креста. Образ императора Константина Великого стал основой для осмысления роли крестившихся правителей, в прошлом язычников. Под влиянием ЖЕ в древнерусской книжности и идеологии складывался устойчивый топос – парадигма княжеской святости: «вторым Евстафием» считался, например, князь Владимир Святой.

8) Другой топос, сложившийся в византийской и древнерусской литературах и религиозной жизни во многом благодаря ЖЕ, проявился в агниобиографии церковных деятелей, отшельников: олень, помогающий обнаружить жилище святого, полагается как в византийских, так и в русских житиях.

9) Исследование иконографического материала, посвященного Св. Евстафию Плакиде, показало изменение в восприятии памятника, произошедшее с XI по XIX вв. Это изменение выразилось прежде всего в постепенном отказе от сложного символического подтекста и нарастании интереса к романическому сюжету как рассказу о жизни частного человека.

Апробация результатов. По материалам диссертации опубликовано более 80 статей, а также две монографии, разделы в коллективных научных трудах, энциклопедических и справочных изданиях, учебных пособиях. Разные аспекты исследования предлагались для обсуждения в виде докладов на многих российских и международных конференциях: на 12 Международном съезде славистов (Краков, 1998 г.), на конференциях «Культы раннехристианских святых Центральной и Юговосточной Европы» (София, 1999 г.), «Средневековая

медицина: тексты, практика, институты» (Рила, Болгария, 2000 г.); на заседании семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли» (Псков, 2003 г.), на 1-7 Международных научных конференциях «Комплексный подход в изучении Древней Руси», проводимых журналом «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» (Москва, 2001-2013 гг.); на 2 Российско-Греческом Форуме гражданских обществ (Санкт-Петербург, 2009 г.); 1-8 Научно-практических конференциях «Древнерусская литература и литература Нового времени. Памяти профессора Н. И. Прокофьева» (МПУ, Москва, 1996-2015 гг.); 1-23 Макариевских чтениях (Можайск, 1993-2015 гг.); на международной научной конференции в онлайн формате «“Явистася стратотерпца великаа“ накануне 1000-летия подвига святых князей Бориса и Глеба, рожденных от матери “българыне”» (Велико Тырново, 2014 г.), на международной научной конференции «Преподобный Сергей Радонежский: история и агнография, иконописный образ и монастырские традиции» (ГИМ, Москва, 2014 г.) и многих других.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка сокращений, списка сокращений, используемых при классификации текстов Жития Евстафия Плакиды, списка иллюстративного материала, а также списка источников и литературы. Каждая глава представляет собой определенный аспект в исследовании переводного агнографического памятника. Структура диссертации отражает предлагаемую автором методику изучения средневекового переводного произведения – от истории рукописных текстов до их интерпретации на фоне всей рукописной традиции и интертекстуальных связей.

Во **Введении** содержатся некоторые сведения об истории сложения культуры Св. Евстафия и возникновении оригинальных литературных памятников, освещавших его подвиг, кратко охарактеризована история изучения ЖЕ, степень научной разработанности проблемы, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы цели и задачи исследования, обоснована актуальность темы, определены предмет исследования и его новизна; дана общая характеристика методологических принципов исследования, перечислены основные положения, выносимые на защиту.

История текстов такого древнейшего переводного памятника, как ЖЕ, неотделима от литературной, культурной и исторической жизни Древней Руси и ряда других славянских стран. Изучение его рукописной традиции – это путь не только к воссозданию его литературной истории (установление наиболее близкого к архетипу текста или текстов, определение редакций и т. д.), но и к пониманию произведения, то есть к постижению его идейно-художественной структуры, особенностей его восприятия средневековым читателем, поскольку

как сам процесс перевода, так и любое сознательное изменение текста можно рассматривать как акт творчества.

В собраниях российских и зарубежных библиотек содержится множество списков ЖЕ, однако, как это характерно и для ряда других произведений славянской книжности, сохранившиеся списки ЖЕ на несколько веков младше читающегося в них памятника – наиболее ранний известный на настоящий момент список, точнее, небольшие отрывки из ЖЕ входят в состав хорватских глаголических Пáзинских фрагментов (Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti (Загреб, Хорватия), Frag. glag. 90/1 (a). Нач. XIV в.), правда, сохранились сведения еще об одной древнейшей рукописи с ЖЕ, датируемой приблизительно 1300 г. Она находилась во Львове, в Василианском монастыре, под № 572. Львовский Сборник житий описали И. И. Срезневский и Н. В. Волков. Информацию о сборнике включил в свою картотеку Никольский, который указал еще один номер рукописи – 271, однако ни под тем, ни под другим номером в собрании Василианского монастыря ЛНБ (Львов) столь ценная рукопись нами обнаружена не была. Сведениями о более ранних списках ЖЕ мы не располагаем. По мнению М. Н. Сперанского, ЖЕ было переведено в составе славянской сентябрьской ЧМ в кон. X–XII вв.

Глава первая «Об истории цикла текстов о Св. Евстафии Плакиде в славяно-русской рукописной традиции» посвящена реконструкции истории переводных текстов ЖЕ, существовавших во множестве списков около тысячи лет на огромной территории от Черного моря до Белого, от Балкан до Сибири.

В разделе 1. 1. «Вопрос о переводах и редакциях Жития Евстафия Плакиды» на основе собранных нами новых данных мы обратились к вопросу о времени, месте, обстоятельствах возникновения разных переводов ЖЕ и об их количестве. Но прежде всего нам пришлось решать сложнейшую проблему различения переводов и редакций применительно к ЖЕ. Решающим для определения самостоятельного перевода в нашем случае явились следующие признаки: **во-первых**, это проявление содержательно-смысловых различий, то есть *последовательное несовпадение* (наличие или отсутствие) лексем, фраз и больших фрагментов переводных текстов разных типов, а фактически разных переводов, при обязательном присутствии соответствующих мест в греческом тексте. Названный признак для наших текстов оказывается одним из наиболее важных. **Во-вторых**, это последовательное и немотивированное массовое появление *разных переводов* греческих лексем, переводов, семантически сходящихся в греческом слове, наличие *разных калек* одного и того же греческого слова, таким образом, *отчетливо выраженная тенденция к синонимии* («излишней синонимии») двух и более текстов свидетельствует в пользу существования разных переводов.

Иными словами, если в греческом тексте (далее – греч.) содержится фрагмент, который отсутствует в славянском тексте А, но присутствует в тексте Б, при последовательно выраженной «излишней синонимии», это может

свидетельствовать в пользу того, что А и Б – разные переводы разных греческих редакций. Отсутствие «излишней синонимии» не позволяет говорить о новом переводе. Например, известнейшая русская пергаменная рукопись кон. XIV в.-первых гг. (?) XV в. – Сильвестровский сборник (РГАДА, собр. Московской Синодальной типографии (ф. 381), № 1 (53)) содержит сокращенный по сравнению с остальными списками I перевода текст ЖЕ. Сокращенные фрагменты находят свое соответствие в греч. Это не значит, конечно, что Сильвестровский список и остальные списки I перевода содержат два новых перевода, так как в списке Сильвестровского сборника нет по сравнению с другими списками излишней синонимии, а также других признаков нового перевода, о которых мы скажем далее. Во всем остальном список Сильвестровского сборника вполне сопоставим с другими списками I перевода. Кроме того, изучение рукописной традиции позволяет доказать вторичность многих чтений ЖЕ редакции Сильвестровского сборника, возникших уже на русской почве. Болгарская исследовательница Л. Тасева указывает как раз на противоположный признак самостоятельного перевода, который мы также принимаем во внимание: «На лексическом уровне решающее значение имеют ... **несинонимические замены слов** (выделено автором. – О. Г.)»⁷. **В-третьих**, о наличии нового перевода говорят сохранившиеся специфические (то есть не общеупотребительные типа «иерей», «епархия» и т. д.) гречизмы, огласовка греческих топонимов, имен и даже их выбор и т. д. Если переводы никак не связаны друг с другом, вряд ли перечисленные группы слов совпадут. **В-четвертых**, вслед за И. Н. Лебедевой и Тасевой мы допускаем, что ошибки в одной из версий, особенно объясняемые через греч., могут указать на новый перевод или хотя бы на новую редакцию с использованием греческого оригинала. **В-пятых**, о наличии нового перевода *могут* свидетельствовать лексически и грамматически разные переводы одних и тех же цитат из Св. Писания. Хотя наиболее устойчивые формулы и известные цитаты, как показывает Тасева, могут и совпадать. **В-шестых**, о новом переводе свидетельствует новый синтаксис, могут обнаруживаться новые символическо-грамматические конструкции, связанные с «новыми» фрагментами и отражающими «новый» греческий текст и т. д. Но неизбежны и совпадения, что хорошо видно как в примерах Лебедевой, так и в примерах А. А. Алексеева⁸. **В-седьмых**, *неоспоримым фактом* при определении нового перевода является наличие соответствующей ему греческой или даже латинской редакций. В частности, это как раз и проявляется в тех самых «несинонимических заменах», основывающихся «на различных греческих подлинниках (выделено автором. – О. Г.)», о которых пишет Тасева. Правда, в случае с ЖЕ мы имеем дело с практически неизученной греческой традицией. **В-восьмых**, естественно, необходимым условием для определения переводов и редакций являются, на что

⁷ Тасева Л. Перевод и редакция: языковые критерии и жанровая специфика // Многократные переводы в Южно-славянском Средновековие. Доклады от международной конференции. София, 7-9 июля 2005 г. / Под ред. на Л. Тасева (отг. ред.), М. Йовчева, Т. Пентковская. София, 2006. С. 43.

⁸ Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

указывает и Тасева, данные текстологии и палеографии по максимально возможному количеству сохранившихся списков. Так, лексическая тождественность ЖЕ из Сильвестровского сборника с другими полными исправными списками I перевода вкупе с другими признаками делает невозможным предположение о том, что перед нами текст нового перевода. В-девятых, необходимым компонентом исследования становятся, как это отмечает Тасева, «литературно-исторические аргументы». И, в-десятых, важнейшим критерием выделения переводов мы считаем подсчет лексических расхождений по методу Тасевой. Тасева, напомним, при рассмотрении разных славянских переводов, восходящих к одной или близким греческим редакциям, и редакций пришла к выводу о том, что «граница между переводом и редакцией – около 30%» лексических расхождений, то есть если разница в лексике между версиями составляет около 30% и выше, то перед нами, скорее всего, новый перевод, а не редакция. При подсчете лексических расхождений в разных переводах ЖЕ мы учитывали только самостоятельные части речи, имеющиеся в греческом тексте, которым находились соответствия хотя бы в одной славянской версии, таких случаев при сравнении 5-ти текстов оказалось 251. Для сравнения были привлечены не полные тексты, а только фрагменты, соответствующие тексту отрывков из ЖЕ Пазинских фрагментов (ПФ), другое сопоставление при отсутствии полного текста ПФ просто невозможно. В качестве примера приведем 2 чтения из рассматриваемых в диссертации 60 чтений (см. *Таблицу 1* автореферата):

Таблица 1

№ № ч т е н и й	ВНГ 641	ЖЕ в составе ПФ	I перевод (РГБ, ф. 304, № 666. XV в., далее – Тр. 666)	II перевод (ГАПО, ф. 449. № 60. XV в., далее – Пск.)	III перевод (Народная библиотека Сербии (Белград). Собр. Дечанского монастыря, № 94. XIV в., далее – Деч. 94)	IV перевод (РНБ, ф. 182, № 56. 1509 г., далее Гильф.)
1	μετονομασας Εὐσταθίου	preložiti ime Evstatij,	нарече его ѹстаѳа,	нарѣ ѿма пла- кнѣ еѹста- фин.	нарѣкъ плакн- доу неѹстаѳа.	пакѣѹѳ' оѹѡ именова еѹстаѳѣ.
2	τὴν δὲ γυναικα αὐτοῦ, Θεοπίστῃν	a žene jeho nareče ime Věra,	a женоу его татѳаноу нарече, ѡѡпистоу.	a нѣѣ его та- тѳанъ.	a женоу него, татѳаноу нарѣ, ѡѡпистѳа.	женѣ' же татѳанѣ име- нова ѡѡпистѳа.

Мы думаем, что процентные показатели были бы еще выше, если бы эпизоды ЖЕ, сохранившиеся в ПФ, в силу своего содержания (крещение Евстафия и его семьи и слова Христа), не имели так много устоявшихся языковых этикетных формул, которые, как об этом говорит и сама Тасева, «оказывают ограничивающее воздействие на инновативность новых версий». Но даже и при этих обстоятельствах все показатели укладываются в норму, при которой «граница между переводом и редакцией – около 30%»:

V (ПФ) – I переводы – ок. 50% (расхождения в 126 случаях);

V – II переводы – ок. 41% (в 103 случаях);

V – III переводы – ок. 43% (в 107 случаях);

V – IV переводы – ок. 43% (в 107 случаях);

I – II переводы – ок. 47% (в 119 случаях);

I – III переводы – ок. 44% (в 111 случаях);

I – IV переводы – ок. 50% (в 126 случаях);

II – III переводы – ок. 38% (в 95 случаях);

II – IV переводы – ок. 39% (в 99 случаях);

III – IV переводы – ок. 34% (в 86 случаях).

Приведенные данные, с нашей точки зрения, подтверждают также наши предположения о том, что переводы, которые имеют меньший процент лексических расхождений (II, III и IV), сделаны, скорее всего, с одной или близких греческих редакций.

В *разделе 1. 2. «I перевод»* рассмотрены наиболее близкие архетипу тексты Троицкого и Софийского видов I перевода, а также древнейшие русские списки ЖЕ в составе знаменитых русских пергаменных кодексов – Сильвестровского и Чудовского (ГИМ, собр. Чудовское, № 20 (20). Кон. XIV в.) сборников и определены особенности редакций I перевода ЖЕ, заключающихся в них. Мы пришли к выводу о том, что Сильвестровская редакция ЖЕ представляла региональную традицию и создавалась в стороне от крупных библиотек. Благодаря этому она, с одной стороны, сохранила многие черты древнего оригинала, с другой – накопила в себе много ошибочных чтений. Кроме того, Сильвестровская редакция ЖЕ еще до копирования ее в Сильвестровский сборник была в значительной степени сокращена. Нами был впервые обнаружен ряд списков, близких Сильвестровской редакции, что позволило объяснить некоторые факты в истории ее формирования. Таким образом, наше исследование создало широкую источниковедческую базу для дальнейшего изучения ЖЕ в составе Сильвестровского сборника и самой рукописи в целом.

Несмотря на то что Чудовская редакция является во многом вторичной по отношению к лучше сохранившимся текстам Троицкого и Софийского видов I перевода, ее списки и обнаруженные родственные ей типы предоставляют уникальную возможность судить как о движении текста, так и о предполагаемом месте и времени его возникновения. Многие исправления Чудовской редакции вписываются в рамки замены «охридской» лексики «преславской». Однако,

наряду с этим, в текстах I перевода встречаются постоянные «преславизмы» и столь же неизменные «охридизмы». Вся эта «избыточность дублетов (и вариантов)», как писала, в частности, Р. М. Цейтлин, может свидетельствовать о том, что ЖЕ I перевода было создано в Золотой век болгарской литературы (в кон. IX – нач. X в.) и уже тогда редактировалось. На то, что ЖЕ I перевода могло входить в тот же комплект ЧМ, что и архетип знаменитого Супрасльского сборника (XI в.), указывает и редкое слово «обьдо», сохранившееся в русских списках Софийского вида I перевода. Таким образом, подтвердился тезис М. Н. Сперанского о том, что ЖЕ с самого начала входило в состав сентябрьской ЧМ.

Мы в деталях проанализировали тексты ЖЕ в составе всех трех списков ВМЧ с учетом предшествующего ВМЧ списка ЖЕ того же Софийского вида (РНБ, ф. 728, № 1354. Кон. XVI в., далее – Соф. 1384), что и Житие в составе ВМЧ. Существование Соф. 1384 подтвердило вывод В. А. Кучкина о том, что Софийский и основы Успенского и Царского комплектов ВМЧ создавались в Великом Новгороде. Наличие более раннего Соф. 1384 доказывает также, что макариевские книжники воспользовались готовым текстом ЖЕ, поэтому мы не можем определять текст ЖЕ в составе ВМЧ как новую редакцию. Наш анализ также показал, что при работе над ЖЕ при составлении ВМЧ не привлекались ни дополнительные списки ЖЕ, ни греческий текст.

I перевод ЖЕ оставил в книжности *Slavia Orthodoxa* наибольшее количество редакций и видов.

Сербская редакция ЖЕ I перевода, представленная ранними списками начиная с первых двух десятилетий XV в. (Белградская университетская библиотека (Сербия), собр. В. Торовића, № 30 (БУБћ 30). XV в. и др.), по всей вероятности, достаточно рано стала одной из самостоятельных ветвей традиции и в то же время претерпела значительные изменения. В русских рукописях следов Сербской редакции пока отмечено не было.

В результате наших изысканий впервые в научный оборот были введены тексты еще одного перевода, которому посвящен *раздел 1. 3. «II перевод»*. II перевод был обнаружен всего в двух псковских списках третьей и четвертой четверти XV в. (Пск. и РГБ, ф. 152, № 85/1071). Отчетливый ригоризм II перевода заставляет предполагать, что и/или его греческий оригинал, и/или он сам возникли в монашеской среде (на Афоне?) и, что очевидно, предназначались прежде всего для монашеской аудитории. Но это лишь одна из наиболее вероятных версий. Вторичность II перевода по отношению к I в плане содержания не вызывает сомнений. Время возникновения II перевода пока можно определить лишь приблизительно – не ранее кон. IX-нач. X в. и не позже третьей четверти XV в. Распространение II перевода именно в псковской книжности могло быть связано с князем Евстафием Федоровичем, наместником Изборским и князем Псковским, однако у этого предположения нет ни одного прямого доказательства.

Основной причиной появления III («вторичного», по Ланту) перевода, объединившего новую начальную часть с текстом I перевода, представляется стремление к точной передаче греческого текста (*раздел 1. 4. «III перевод»*). Мы установили, что III перевод имеет Полную и Сокращенную редакции. Полная редакция представлена в русском и сербском изданиях. Однако во многих случаях именно русский список Р767 (РНБ, Ф. I. 767. Сер. XVI в.) сохраняет более древние и исправные чтения, чем более ранние сербские списки 4-5-го десятилетий XIV в. (Деч. 94 и др.), поэтому Р767 и русскую традицию в целом необходимо учитывать при дальнейшем изучении III перевода. В то же время мы допускаем существование гипотетического перевода IIIa, а также допускаем, что возникновение перевода IIIa и соединение его с I переводом – события, которые могли произойти в разное время. Мы предположили, что III перевод мог возникнуть в Сербии или на Святой Горе в Хиландаре в эпоху литургической реформы в сербской церкви (перв. пол. XIV в.).

Существование разных переводов ЖЕ привело к появлению ряда смешанных редакций, одна из которых, «Уваровская» (ГИМ, собр. Уварова А. С. (1°), № 67. XVI в. и др.), к примеру, соединила два перевода – II и III. Уваровская и другие смешанные редакции дают ценный материал для истории текста ЖЕ, поскольку подтверждают существование разных переводов в таких видах, в каких они предстают в известных списках (*раздел 1. 5. «Уваровская редакция (II+III)»*).

В тексте IV перевода произошла последовательная замена римской тематики греческой. IV перевод представлен по крайней мере двумя южнославянскими редакциями – Редакцией Сборника Гильфердинга и Редакцией (?) Сборника из монастыря Драгомирна № 700. Последняя редакция определена предположительно, поскольку ее полный текст оказался нам не доступен. Наиболее очевидное отличие Редакции Гильф. от Редакции (?) Драг. 700 – наличие в последней предисловия. Мы предположили, что IV перевод мог возникнуть в период исправления книг в Болгарии при патриархе Евфимии Тырновском (ок. 1330-1400) как необходимая часть Минейного Торжественника. Собственно, сходное предположение, правда, по отношению только к тексту Драг. 700, было высказано ранее Кл. Ивановой. Большая точность IV перевода в передаче греческого оригинала может оказаться весьма полезной при дальнейшем изучении как греческих, так и славяно-русских текстов ЖЕ (*раздел 1. 6. «IV перевод»*).

В *разделе 1. 7. «V перевод: Житие Евстафия Плакиды в составе Пазинских фрагментов и славяно-русская рукописная традиция»* мы впервые попытались рассмотреть ЖЕ в составе Пазинских фрагментов (ПФ) в свете наших данных о других славянских переводах ЖЕ. В результате мы пришли к выводу, что ПФ представляет собой самостоятельный (V) перевод памятника. Моравизм, отмеченный в ПФ (*vsъждь*), как будто доказывает принадлежность V перевода кирилло-мефодиевской традиции, однако требуется дальнейшая се-

рьезная работа для установления места и времени создания этого явно обособленного ото всех текста.

Согласно древнейшему Типикону патриарха Алексия Студита, ЖЕ читалось во время службы: На оутрънни · по пѣ(н) · ѿл(т)рмь · на коюжьдо · ка(ѡ) · пою(т) · въ октанцѣ · сѣ(д) · и чьтеть (с) м(ч)нии ихъ · немоуже нача(л) · Трананоу римьскъпа скимпѣтрьи⁹. Однако цитируемое начало Жития в Типиконе не соответствует ни одному из известных славянских текстов ЖЕ и не может служить для их идентификации.

В разделе 1. 8. «Житие Евстафия Плакиды в составе Пролога» на основе анализа более 80 списков «малого» Жития мы впервые предлагаем детализированную классификацию проложных статей, посвященных Евстафию Плакиде. Тексты ЖЕ Первой проложной редакции, встречающиеся в составе подавляющего большинства списков I (краткой) редакции Пролога, делятся на три подредакции: Основную, к которой принадлежат наиболее близкий греческому оригиналу Лобковский вид и другие виды, Усеченную подредакцию и подредакцию в составе Пролога БРАН, Осн. 31. 6. 30. На базе Основной редакции, без привлечения греческих источников, но с учетом текста славянской Службы Евстафию и его семье была составлена Вторая проложная редакция ЖЕ, встречающаяся преимущественно во II (полной) редакции Пролога и известная в нескольких видах. Вторая проложная редакция была включена в ВМЧ. Соединение Первой и Второй проложных редакций, по нашим данным, породило лишь одну редакцию, известную в одном списке (ЦНБ Украины (Киев), собр. КДА, № 178. XVII в.), что свидетельствует об обособленном существовании двух проложных редакций ЖЕ и несмешении традиций. В составе Стишного Пролога ЖЕ было переведено у южных славян, оно приобрело два вида – Южнославянский и Русский, последний вошел как в ВМЧ, так (с дополнениями по «большому» Житию I перевода) и в старопечатный Пролог.

Раздел 1. 9. «Житие Евстафия Плакиды в составе Римских Деяний и Великого Зеркала: текстологический аспект» посвящен двум переводам ЖЕ, сделанным с разных польских оригиналов в XVII в.: в составе Римских Деяний (РД), возможно, для Великого Зеркала (далее – ВЗ); а раздел 1. 10. «Перевод Жития Евстафия Плакиды из «Житий Святых» Петра Скарги и перевод в составе Сборника из Синодального собрания ГИМ № 752» посвящен двум переводам в составе Син. 752 (ГИМ, собр. Синодальное, № 752. XVII в.) и в составе «Житий Святых» Петра Скарги (РГБ, ф. 256, № 325. XVII в.), последние два перевода возникли в контактной зоне Slavia Orthodoxa и Slavia Romana. Перевод в составе РД более близок оригиналу, насыщен полонизмами и реалиями из польской жизни, перевод, сохранившийся в составе двух списков ВЗ, написан на русском литературном языке того времени. Два русских перевода Жития, скорее всего, восходят к одному польскому оригиналу, или к двум род-

⁹ Пентковский А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001. С. 284.

ственным оригиналам. К близкому РД и ВЗ польскому источнику восходит и перевод Син. 752. Древнейшие переводы при создании новых не привлекались.

В разделе 1. 11. «К вопросу об источниках *Жития Евстафия Плакиды в Редакции Св. Димитрия Ростовского*» мы рассмотрели ЖЕ Редакции Святого Димитрия Ростовского и установили, что Св. Димитрий, помимо ВМЧ и С. Метафраста по изданию Л. Сурия, источников, о которых писал о. Александр Державин применительно к ЖЕ, прибегал и к другим источникам, возможно, к какому-то списку вида Соф. 1264 I перевода, а также к Службе Евстафия и к польскому оригиналу ЖЕ в составе «Житий Святых» Петра Скарги. Редакция ЖЕ Димитрия Ростовского широко бытовала в славяно-русской книжности. Мы обнаружили русскую (Причудская) и Новоболгарскую редакции ЖЕ, составленные на основе Редакции Святого.

ЖЕ нашло глубокий отклик в старообрядческой среде, к чему в немалой степени располагала близкая староверам тематика древнего памятника. Мы рассмотрели целый ряд старообрядческих списков, содержащих старые и новые виды и редакции ЖЕ, опирающиеся на древние тексты. Поздние списки XIX в., сохранившиеся у приверженцев старого обряда, позволили расширить представление о древней традиции. Наиболее востребованными в старообрядческой среде оказались тексты I перевода и Редакции Димитрия Ростовского (раздел 1. 12. «*Житие Евстафия Плакиды в старообрядческой книжности*»).

Мы обнаружили список произведения, созданного на основе двух генетически близких памятников, – ЖЕ и Повести о царице и львице (ЦМиАР, КП 5320. Нач. XIX в.). Поскольку этот список относится к более раннему времени, чем известные произведения на той же основе усть-цилемского писателя И. С. Мяндина, можно предположить, что Мяндин был, по крайней мере, не первым из писателей-старообрядцев, кто решил соединить два генетически близких произведения для создания нового.

В разделе 1. 13. «*Выводы*» говорится о том, что мы рассмотрели в общей сложности 5 древнейших славянских переводов ЖЕ, 2 русских перевода XVII в. – в составе РД (два варианта ЖЕ) и ВЗ, учли еще 2 перевода с польского, возникшие на границе Slavia Orthodoxa и Slavia Romana, – из «Житий Святых» Петра Скарги и в составе Син. 752. Наше исследование показало, что имеющиеся в нашем распоряжении русские и славянские списки I перевода распределяются по 4 основным группам, 20 редакциям и 10 видам, списки III перевода – по двум изводам, русскому и сербскому, последний известен в двух редакциях, списки IV перевода – по двум редакциям. На основе соединения I, II и III переводов, по имеющимся данным, было создано 8 новых редакций. В составе Пролога существовало 2 редакции, списки Первой редакции распределяются по 3 подредакциям, одна из которых (Основная) имеет 13 видов. Списки Второй редакции распределяются по 7 видам. Существовала также Смешанная редакция, на основе соединения Первой и Второй редакции. На основе проложного текста и текста I перевода была составлена новая редакция. Списки ЖЕ Стишного

пролога распределяются по 2 редакциям. На основе ЖЕ Стишного пролога и I перевода была создана также отдельная редакция в составе старопечатного Пролога. В XVII в., помимо названных новых переводов «большого» Жития, возникла Редакция Дмитрия Ростовского, послужившая основой для Новоболгарской редакции. На основе двух редакций – редакции, возникшей из соединения I перевода и проложного текста, и Редакции Дмитрия Ростовского возникла еще одна новая редакция (Причудская). На основе соединения ЖЕ и Повести о царице и львице возникло два новых произведения, одно из которых, принадлежащее И. С. Мяндину, известно, согласно исследованию Т. Ф. Чалковой, в двух вариантах. Мы учли также сказку, построенную на сюжете ЖЕ. Если суммировать приведенные данные, получается, что в целом в нашей работе мы так или иначе рассмотрели **11 переводов** (включая переводы в составе Пролога), **42 редакции**, **3 подредакции**, **30 видов**, **4 извода ЖЕ** и **3 новых самостоятельных произведения** (одно из которых – с 2-мя вариантами), составленных с привлечением ЖЕ.

Таким образом, проделанная нами работа сделала возможным изучение литературных особенностей цикла текстов, рассказывающих о Евстафии Плакиде.

Главу первую завершает *раздел 1. 14. «Краткий археографический обзор»* рукописей, в составе которых было обнаружено ЖЕ.

Идейно-художественным особенностям переводов и редакций ЖЕ, обретшим свою жизнь в новой литературной среде, ставшим феноменом древнерусской и славянской литератур, посвящена **глава вторая «Цикл текстов о Св. Евстафии Плакиде: опыт интерпретации»**.

В известном смысле византийский оригинал и его славянский перевод можно назвать во многом разными произведениями, ведь в литературе Средневековья с ее принципиальным отрицанием авторства переводное произведение, во-первых, при переводе обретало новое авторское начало и фактически, как мы увидим, сразу же редактировалось, опираясь на возможности нового для него языка, во-вторых, в процессе переписывания оно вольно или невольно снова и снова редактировалось (как и произведение оригинальной литературы), зачастую, как мы увидим, уже без привлечения оригинала и, в-третьих, оно становилось участником нового для него литературного контекста и исторической жизни. Таким образом, мы рассматриваем ЖЕ как феномен древнерусской литературы, как уже говорилось, неотъемлемой части литературы *Slavia Orthodoxa*. В то же время, конечно, это не значит, что древнерусские и славянские книжники не различали переводные и оригинальные произведения и ничего не знали об иноземном происхождении текста и языке оригинала. Об этом, во всяком случае, всегда могли напомнить содержание большинства версий ЖЕ, рассказывающих, как правило, о событиях, географическим центром которых был Рим, имена персонажей и исторических деятелей, топонимы, сохранявшиеся грецизмы и т. д. Известно, что, например, троицкий книжник Герман Тулупов не стремился

включать переводные жития, посвященные византийским святым, в свои ЧМ, нет там и ЖЕ.

В разделе 1. «Три смысла» в агиографии и проблема интерпретации агиографических текстов» предлагаются теоретические основы анализа житийных текстов. Мы исходим из того, что переводное ЖЕ как произведение агиографическое, то есть описывающее подвиг (в соответствии с избранной аскезой) вослед Христу, писалось и воспринималось образованным средневековым читателем, во всяком случае, в ранних версиях памятника, по крайней мере на трех смысловых уровнях – на уровне земном, житейском; на уровне дидактическом и на самом высоком уровне, обращенном к особо просвещенным и посвященным, – на уровне мистико-символическом. Такое понимание текста жития как текста сакрального опирается на традицию восприятия главного сакрального Текста Средневековья – Священного Писания, служившего первейшим образцом для агиографии. Художественная структура жития должна была воссоздавать указанную триаду, способы воссоздания ее, как мы увидим, были самые разнообразные, задача исследователя – увидеть, как средневековому книжнику удастся отразить эту иерархию смыслов, – в сюжете, образах, числовом иносказании, ритмическом членении текста и т. д. Такой подход к агиографии как объекту литературоведческого исследования представляется нам наиболее конструктивным.

Анализируя выявленные тексты ЖЕ с вышеизложенных позиций, мы фактически предлагаем исследователям во многом новую методику анализа переводного агиографического произведения. В то же время нужно понимать, что представление о трех уровнях смысла в агиографии было близко интеллектуальной элите раннего Средневековья, однако далеко не все писцы имели представление о сложной структуре переписываемого произведения, а писатели более позднего времени, такие, например, как Димитрий Ростовский, выступали принципиально против многоуровневого понимания житийных текстов. При рассмотрении ранних текстов ЖЕ мы исходили также из неразделимости «называемого» и «называющего» в слове на высшем (мистическом) уровне смысла. Тезис о трех уровнях смысла был сформулирован нами в результате изучения всей структуры рукописных текстов, а также на основе широкого круга работ богословов, философов, филологов и искусствоведов и явился отправной точкой при попытке создания методики анализа переводного агиографического произведения, опирающейся на принципы классического филологического анализа литературного текста.

Характерно, что триадность была свойственна и генетическому предшественнику Жития – античному роману.

В разделе 2. 2. «Литературные особенности древнейших переводов Жития Евстафия Плакиды» говорится о том, что на первом, событийном, уровне ЖЕ представляло увлекательнейшую историю о язычнике и его семье, принявших христианство благодаря чудесному оленю, разлучившихся и вновь

соединившихся, пострадавших за веру и удостоившихся за это Царства Небесного.

На втором, дидактическом, уровне Плакида предстал во многих ипостасях: как благонравный язычник, принявший Христа, как воин, побеждающий «поганых варваров», то есть язычников, как страдалец и как мученик. Три важнейшие аналогии впрямую назывались в тексте: «Плакида – (как) апостол Павел», «Плакида – (как) Иов», «семья Плакиды – (как) три отрока в печи огненной». Названные аналогии явились структурообразующими для второго уровня ЖЕ, которое объясняло, что путь к истине – это путь к Христу через крещение, что земные страдания посылаются свыше и отмечают праведника.

Для ЖЕ важнейшей была также семейная тема, точнее, тема Спасения семьи, ведь путь вслед Христу был выбран не только самим Плакидой, но и его «разумной» женой и послушными воле родителей малолетними детьми.

Просвещенный и посвященный читатель проникал в высший, мистический, смысл произведения, он постигал сакральную сущность описываемого *через знак, слово, грамматическую конструкцию, ритм и рифму, образ, соотношение образов, сюжет, числовую символику* и т. д.

Важнейшую роль, как и в романе античности, играл в ЖЕ прообразовательный зачин – Чудо об олене. Образ оленя в ранней агнографии имел двойственный характер: светлая сторона соседствовала с темной, не соприкасаясь с ней, олень мог *одновременно, но в разных измерениях* выступать не только как символ Христа, Спасения и т. д., но и как символ грешника, враждебных сил и даже самого сатаны. Такая бинарность, характерная для Средневековья, была присуща не только оленю, она сопровождала также образы-символы льва, змеи, страуса, совы, козла и даже овна-Агнца, несмотря на то, что Агнец был фактически синонимом Христа. «Двойка каждое творение, хотя бы в нем предполагали зло, но и добро обретается», – так этот важнейший для Средневековья тезис формулировал Физиолог¹⁰.

В переводной и оригинальной славяно-русской агнографии нередко появляется олень, а также неоднократно варьируется сюжет об охотнике и олене. Более всего сюжет о явлении оленя известен именно по разным версиям ЖЕ, однако олень появляется довольно часто и в других памятниках переводной и оригинальной славянской и русской агнографии, где также неоднократно варьируется сюжет об охотнике и олене. В некоторых житиях (Евстафия Плакиды, Петра Афонского, Саввы Сербского, Александра Свирского; в Слове 103 Синайского патерика) происходит соединение двух мотивов – встречи с Божественным оленем и восхождения на гору (в Житии Александра Свирского – на холм) для получения Откровения. Возможно также, гору в некоторых случаях заменяет «камень высок» или «скала», на которые взбирается олень. Символика образа горы (нетождественный вариант – холма) имеет богатейшую традицию в

¹⁰ *Март Н.* Физиолог. СПб., 1904, цит. по: Средневековый bestiарий / Автор статьи и коммент. К. Муратова. М., 1984. С. 22.

святоотеческой литературе. Гора может трактоваться как Христос и как дьявол, как высшее знание и как гордыня и т. д. (А. Г. Дунаев). Думается, что ранняя агиография отразила если и не всю палитру святоотеческих толкований, то немалую их часть. Явление Христа на горе заставляет вспомнить важнейшие события Нового Завета, происходившие на горах, – Преображение на горе Фавор, Распятие на Голгофе, Вознесение на Елеонской горе и сошествие Святого Духа на горе Сионской. О Преображении в ЖЕ напоминает свет, исходящий от Христа, о Распятии – появление Христа на Кресте (в разных переводах немного по-разному, но чаще всего присутствует и Крест, и образ Христов), кроме того, о распятии Христос Сам рассказывает Плакиде; ситуацию Вознесения формирует предсказание Христа о том, что Плакиде (как и апостолам после Вознесения Христа – Деян. 1: 1-14) фактически еще предстоит узнать «тайны Спасения», хотя многое уже открылось ему, и, наконец, о сошествии Святого Духа говорит не только свет (ср. языки пламени, почившие на апостолах, – Деян. 2: 3) и гора, где происходит действие, но и Благодать Спасения, которая обещана Плакиде, указание на избранность, которую он получил, сама ситуация призвания.

Однако вся эта светлая символика сосуществует с темной, особенно заметной во II и III переводах ЖЕ: Плакиду на горе олень заводит в частага мѣста (II перевод), в добровоу частоу и въ непроходын пѣть (РНБ767, III перевод). Лексема «путь» в Писании ассоциируется с Христом (Ин. 14: 6), в этом случае подразумевается, конечно, что путь, выражаясь языком III перевода, «проходный». Соответственно «непроходный» путь (сродни в чем-то дантовскому лесу) и к тому же еще «гора» приобретают антонимичное значение пути-Христу, – это символы языческих заблуждений Плакиды, а также указание на самого сатану, с которым главному «герою» приходится теперь вступать в борьбу.

Особого внимания заслуживают символические синтаксические конструкции, многие из которых представляют собой, по терминологии В. М. Кириллина, «нумероформы», и лексика эпизода Чуда. Приведем один из наших примеров (здесь текст разбит на ритмовые фразы согласно акцентным знакам рукописи (Тр. 666) – точкам и запятым, – конец строки определен знаком «/»), а конец страницы – знаком «//»): символическая лексическая цепочка с ключевым словом «образ» ритмически объединяет текст Чуда. Слово «образ» повторяется 5 раз – трижды как обстоятельство, дважды как дополнение:

въсхотѣ сего спѣти сицеѣмъ вобразомъ.

...

которымъ вобразомъ оуловилъ // бы ѣ.

...

показа емоу /бѣ чюдо сицеѣмъ вобразомъ.

...

на̂ рогама же еленема вбразъ стѣго /кѣта.

...

посредѣ же /рогоу образъ сѣаго тѣла хѣа.

Основной мистический смысл передается здесь через число «5». Число «5» указывает на Спасение в Церкви, которую, как известно, символизируют Христос и 4 евангелиста. Знаменательно, что пятый раз слово «образ» появляется в сочетании с «Телом Христовым», ведь «Тело Христово» как раз и есть Церковь (Еф. 1: 17-23; 2: 21-22 и др.). Кроме того, обыгрывается многозначность слова «образ» – 3 обстоятельства, образующие почти вопрос (как спастись?), превращаются в ответ из 2-х дополнений или подлежащих: Спасение возможно благодаря «образу Креста» и «образу Св. Тела Христова», Спасение возможно в Троице.

Содержанием Чуда являются значительные и важнейшие в понимании любого христианина события: язычнику открывается Истина и его избранность, совершается оглашение, катехизация, однако, подчеркнем еще раз, и олень, и охотник, и гора – символы не только Христа, но и враждебных сил, от которых отрекается – «отлучается» Плакида. В I переводе отречение Плакиды решается весьма деликатно: «ловец» должен «уловить» оленя, во II переводе оленя в его дьявольской ипостаси надлежит, согласно тексту, трижды «убить».

В Чуде об олене Плакида узнает сразу всю сущность мироздания, он оказывается в *ситуации выбора* между светом и тьмой, добром и злом, между язычеством и христианством. Автор и переводчик создают напряженное, насыщенное ритмикой повествование, которое захватывает и реальным ходом событий, и открывающейся Тайной – сакральной сущностью миропорядка. Драматизм эпизода не в душевных исканиях «героя» (их нет), а в открывающейся читателю и Плакиде масштабности непрекращающейся и непримиримой борьбы добра и зла, в которую неизбежно вовлекается человек. Сам же выбор Плакида делает сразу, как только видит и слышит Христа:

вѣрѣю/ в тѣ гѣ.

яко ты еси творецъ всацескымъ./

и животворецъ мртвымъ.

Предстоящий подвиг Плакиды уже совершен – Христом (на третьем, высшем смысловом уровне), грядущий подвиг Плакиды грядет лишь в земном времени, в сакральном вне-времяе он существует вечно, ведь подвиг святого «написан на небесах», как говорится, например, в программном предисловии, начинающем Житие Исидора Твердислова. Спасение во Христе открывается в череде возникающих символов, пересекающихся и непересекающихся смыслов, а все действие разворачивается в сиянии, исходящем от тела Христова в рогах оленя – символа Христа.

Высшая аналогия ЖЕ «Плакида – Христос» в первую очередь организует высший уровень ЖЕ. Семейная тема Жития в высшем смысле разворачивается как утверждение союза Христа и Церкви, что является залогом самого главного и для «героев» памятника, и для автора, и для читателя – *Спасения*.

В разделе 2. 3. «Литературные особенности переводов и редакций Жития Евстафия Плакиды XVII в.» рассказывается о том, что русские переводы в составе РД и ВЗ отразили процессы, происходившие в литературе XVII в. Авторы новых текстов в первую очередь сосредоточились на перипетиях занимательного сюжета, чья роль стала определяющей. Символика постепенно переставала быть основным организующим центром произведения, она переходила в новое качество и в определенном смысле начинала превращаться из категории мировоззренческой в категорию литературную. Новые переводы превращали житие-роман в поучительную повесть, рассказывавшую теперь о частном человеке – некоем «рыцаре Плакидусе», «блудном» сыне (РД), не противящемуся **прѣрѣнїю Бжїю** (ВЗ).

ЖЕ вдохновило Святителя Димитрия Ростовского на большую, сложную и глубокую работу по созданию новой Редакции. Димитрий основательно переработал Житие, добиваясь достоверности и художественной убедительности текста для современного ему читателя. Агиограф явно стремился изобразить своего «героя» как человека конкретного и единичного, живущего в конкретном времени. Такому изображению способствовали прежде всего детализация повествования и открытая установка на выражение личностного авторского начала. Редакцию Димитрия отличала также тенденция к прояснению всех темных мест древнего памятника и, как уже говорилось, решительный отказ от 3-го, мистического, уровня текста.

Важнейшей задачей Редакции Святителя стало пастырское поучение и просвещение читателя. В ЖЕ Редакции Димитрия, не без влияния Петра Скарги, была изложена целая социальная программа и обоснован идеал семейных и государственных отношений, освященный верностью Христу. Особая роль в этой программе отводилась священнику. Такое изменение древнего текста условно было продиктовано задачами иерейского служения Димитрия. Подвиг Евстафия Плакиды Святитель видел не столько в его мученической смерти, сколько в его терпении и добром делании вослед Христу, – об этом писатель говорил и в своем Поучении на память святого великомученика Евстафия Плакиды, написанном спустя много лет после первого обращения Димитрия к Житию римского стратилата.

Глава третья «Цикл текстов о Св. Евстафии Плакиде в литературе Православного Славянства» начинается с *раздела 3. 1*, где определяются «Основные задачи и направления исследования», и посвящена проблеме влияния цикла о Св. Евстафии прежде всего на агиографию, а также произведения некоторых других жанров. Многие из памятников рассматриваются в этом ключе впервые.

Раздел 3. 2. «Житие Евстафия Плакиды в агиографии и произведениях других жанров» в первую очередь посвящен произведениям, испытавшим влияние Жития. Самое раннее упоминание о ЖЕ в литературе Slavia Orthodoxa содержится в пространном Житии Константина-Кирилла Философа (далее – ЖК).

Святой Евстафий особым образом почитался «на Олимпе в Вифинии, где долгое время жили Кирилл и Мефодий»¹¹. О популярности Евстафия Плакиды говорит сравнение с ним Константина-Кирилла, которое возникает, когда автор описывает забаву богатых – охоту. Вообще, занятие Плакиды охотой пришлось по душе многим почитателям римского стратилата. Игак, будущий Первоучитель пустил своего ястреба, а ветер унес его. Агиограф так объясняет происхождение: **Бог оудобѣ ѹловитї и. такоже древле ѹлови плакиду въ ловѣ еленемъ, тако и сего ястребѣм**¹². Аналогия с Плакидой помогает увидеть и понять, что Бог может «уловить» своего избранника самым неожиданным образом – не только в посте и молитве, но даже за таким сугубо светским занятием, как охота, и даже через животное. В этом плане, то есть по функции и по принадлежности животному миру, «елень» ЖЕ вполне сопоставим с «ястребом» ЖК, а то, что Плакида до охоты был язычником, а Константин-Кирилл – христианином, для данного контекста не существенно.

Казалось бы, упоминание о Плакиде должно свидетельствовать о том, что ЖЕ уже было известно автору ЖК к моменту его создания, то есть, по наиболее вероятным предположениям исследователей, к последней четверти IX в. Но можно ли это утверждать? Изучение цитаты из ЖЕ в ЖК имеет свою историю. Цитатирование ЖЕ в ЖК комментировали многие ученые: Фр. Дворник, И. Дуйчев, Ст. Баталова, Б. Грабар, И. Петрович и др.

В 2002 г. мы сравнили приведенную цитату из ЖК с наиболее близким ей по содержанию фрагментом из I перевода и пришли к выводу о том, что источник цитаты – не славянский перевод, а непосредственно греческий текст: ἀντιθρεῦει τοῦτον ἐν τῇ θήρᾳ. В славянском тексте этому соответствует: **оулові ꙗвленїемъ своимъ** (Тр. 666). Таким образом, ЖЕ в раннем переводе скорее всего не являлось источником ЖК, заимствующего цитату напрямую из греческого текста. На этом основании, при всем минимуме исходной информации, тем не менее, можно предположить отсутствие известного нам перевода ЖЕ в распоряжении автора Жития Кирилла, входившего в окружение первоучителя. С нашим выводом не согласилась Ст. Баталова.

Собранный нами материал позволил произвести сопоставление цитаты из ЖК с нужным текстом из ЖЕ по всем ранним переводам (кроме, разумеется, V перевода ЖЕ из ПФ и проложных текстов), а также с текстом Службы (см. *Таблицу 2* автореферата).

Как видим, дословно фраза из ЖК не совпадает ни с одним текстом. ЖК воспроизводит фигуру греч. ἀντιθρεῦει... ἐν τῇ θήρᾳ – **ѹлови... въ ловѣ, но ни в одном переводе нет лексемы «лов» и в данном эпизоде нет оборота ѹлови... еленемъ, сходное выражение появляется в текстах много позже – в словах жены (эпиз. 36), нечто похожее видим в Службе (ꙗвѣшасѣ еленьмъ). Ни один список**

¹¹ Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981. С. 107.

¹² Жития Кирилла и Мефодия. Факсимильное издание. М.; София, 1986. С. 96 (по транслитерации А. А. Турилова).

Таблица 2

BHG 641	ЖК	I перевод	II перевод	III перевод	IV перевод	Служба (РГАДА, ф. 381, № 84. Кон. XI в.)
ἀντιθρηύει ι τοῦτον ἐν τῇ θήρᾳ... διὰ τῆς ἰδίας ἐπιφανείας Слова же- ны: ὅστις ὀφθέντος αὐτῷ τοῦ Χριστοῦ διὰ τοῦ ἐλάφου	Бог оудовѣ уловитїи н. ѡкоже дре- ле улови плакиду въ ловѣ еле- немъ, тако н сего ѡст- решум	оуловѣ ѡвлениемъ свомъ. Слова жены: емоуже хѣ ѡвенса ѡленемъ.	Улови сего в ловитѣѣ. ... свомъ ѡвлениемъ. Слова жены: емѡже хѣ. еленем са ѡви.	оулавлѡметѣ сего, на ло- витѡу. ... свомъ ѡвлени-немъ. Слова жены: емоуже хѣ ѡвенса нлѣниемъ.	оулавлѡметѣ сего въ ловитѣѣ. ... свомъ ѡвлениемъ. Слова жены: ѡвлѡшѡсе емѡ хѣвѣ ѡленѣ	хѣъ улаѣколю - вѣць оулови ѡлѣне мрѣжамн вѣрѣ си н крѣщенн немъ съ нѣсъ ... хѣъ та прнзѡва ѡвлѡшѡса ѡленемъ

I перевода не отобразил греч. ἀντιθρηύει... ἐν τῇ θήρᾳ, в отличие от остальных переводов. Вариантов интерпретации приведенных фактов может быть несколько, наиболее вероятным нам кажется следующий: автор(ы) ЖК прямо переведил(и) с греч. – или с греческого текста ЖЕ, или же с гипотетического греческого оригинала ЖК, о существовании которого писал И. А. Шевченко¹³. В последнем случае славянский текст ЖЕ не привлекался. Древнейший I перевод (по сохранившимся спискам) не содержал ничего, подобного улови... въ ловѣ, а другие переводы в 880-882 гг. все-таки вряд ли уже существовали. Скорее всего, в это время еще не было и I перевода, который мог возникнуть позже в составе переведенных ЧМ при Симеоне (ок. 865-927) и быть связанным с прославлением князя Бориса-Михаила, принявшего христианство, как и Плакида, уже в зрелом возрасте (865 г.) и сравниваемого с Константином Великим.

Таким образом, цитата из ЖЕ в ЖК не может свидетельствовать о существовании известного раннего (I) славянского перевода ЖЕ в момент создания ЖК.

Во всяком случае, сравнение Константина-Кирилла с Евстафием Плакидой бесспорно подтверждает популярность святого стратилата в кругу состави-

¹³ Ševčenko I. Constantine-Cyril, Apostle of the Slavs, as 'Bibliothecary', or how Byzantine was the Author of Constantine's Vita II ... The Man of Many Devices, Who Wandered Full Mane Ways... Festschrift in Honor of János M. Bak. Budapest, 1999. P. 214-221.

телей и/или переписчиков ЖК, а наши материалы могут быть использованы для продолжения изучения как ЖЕ, так и ЖК.

Наши выводы и наблюдения над текстами ЖЕ позволяют по-новому осмыслить Чтение о Борисе и Глебе (Чт), в котором Нестор использует возникшую до него аналогию «Владимир – Евстафий Плакида» и сопоставляет ослепление и прозрение князя Владимира и явление Христа-олена из ЖЕ как события одного порядка (сѣмү вѣ спонү нѣкакү створи вѣгити иемү хрѣтънү. пакже древле плакидѣ.), хотя сравнение Владимира с Плакидой в данном контексте выглядит, на первый взгляд, достаточно натянутым: ведь римскому стратилату, согласно его Житию, перед крещением действительно являлся Христос, о явлении же Христа Владимиру, а тем более о деталях этого явления, не говорится впрямую ни у самого Нестора, ни у других авторов. В Древней Руси, судя по дошедшим до нас памятникам, не сложилось предания о явлении Христа Владимиру. Эту лауну и стремился заполнить Нестор, прибегая к параллели с римским стратилатом. *Нестору нужен был пример Теофании, свидетелем которой был бы язычник и будущий христианин.* Выстраивая параллель с римским стратилатом, Нестор, по сути, уравнивает болезнь и прозрение Владимира и Теофанию Евстафия: Плакида видѣ явльшомүсѧ иемү га нашего иса хѣа. – также и сѣмү владимерү. явление бѣ/е вѣгити. В результате получилось требуемое: Теофании не было, но она как будто бы была! Надо сказать, что и в остальных деталях выбор параллели «Плакида – Владимир» был весьма оправдан: в Евстафии Плакиде была найдена важная в идеологическом смысле аналогия – «добродетельный» язычник, внутренне готовый принять Христа и отказывающийся от «идольских жертв»; «новый Павел», то есть *апостол*. В известном смысле Плакида оказывался даже ближе Владимиру: в отличие от ремесленника-Павла, римский стратилат принадлежал к военной аристократии, к тому же фигура Евстафия через явление Креста традиционно соотносилась с императором Константином. Но только ради одной параллели с Константином, с которым Нестор напрямую сравнивает Владимира чуть ниже, сравнение с Евстафием было не так уж необходимо.

Таким образом, скрупулезно выстроенная параллель Владимира с Евстафием Плакидой в Чт имеет важное идейно-композиционное значение: она помогает осмыслить действия Владимира, Крестителя Руси и отца главных героев-страстотерпцев, завершая рассказ о языческом прошлом Руси и одновременно знаменуя возникновение новой точки отсчета ее истории – принятия христианства, утверждение которого состоится очень скоро – в подвиге Бориса и Глеба. Сравнение Владимира с Евстафием Плакидой подчеркивает не только «разумность» и прозорливость Владимира в принятии новой веры, но и наличие *Божественного знака* в его судьбе, побуждающего к крещению и *приравненно к Теофании*. Как с художественной точки зрения, так и с точки зрения создания государственной и религиозной идеологии, это было точное решение, возмечивающее русского князя.

Трудно переоценить значение разворачиваемой у Нестора параллели «Евстафий – Владимир» для истории текстов самого ЖЕ: бесспорная цитата в Чт из переводного памятника – фактически наиболее раннее документальное свидетельство существования I славянского перевода и его известности на Руси, относящееся к 80-м гг. XI в.

Модификации сюжета об охотнике возникли в редакциях Жития Св. Саввы, «первоучителя сербского». Житие было весьма распространено в русской книжности. Оно рассказывало о жизненном пути младшего сына великого жупана Стефана Немани Растко (мирское имя Св. Саввы), который отказался от престола ради монашеского служения и стал впоследствии архиепископом Сербии. Первое пространное Житие Св. Саввы (далее – ЖС) было написано хиландарским иеромонахом Доментианом приблизительно в 1253 г. (далее – ЖСД), однако наибольшую популярность приобрело другое ЖС, составленное Феодосием Хиландарцем в кон. XIII – начале XIV в. (далее – ЖСФ). ЖС, особенно ЖСФ, приобрело необычайную популярность не только в Сербии, но и за ее пределами. Л. К. Гаврюшина справедливо указала на архетип сюжета об охотнике в ЖС – «образ “охоты на оленя”»¹⁴, но можно ли сказать, что агиографы опирались на какие-либо агиографические образцы при составлении ЖС, в частности на ЖЕ?

ЖСД содержит почти все составляющие сюжета об олене и охотнике – «ловцы», «лов», «гора», охотник – Савва, «уловленный» Христом, «крест» (в сердце), «путь», нет лишь самого главного – самого оленя. Мотив «уловления ловащих» Христом есть в Евангелии (Мф. 4: 19 и др.), хотя сочетание вышеперечисленных элементов встречается как в ЖЕ, так и в Житии Петра Афонского, прямых же цитат ни из того, ни из другого жития в ЖСД нет, поэтому точно определить, какое именно произведение послужило источником ЖСД, практически невозможно.

В ЖСФ, также при отсутствии прямых цитат и каких бы то ни было ссылок, появляются «елени», но, самое главное, замечательный неологизм, принадлежащий, видимо, Феодосию, – «уеленена душа». «Уеленена душа» – это душа, уподобившаяся оленю (Гаврюшина), Феодосий в своем повествовании поэтично объедняет известный по Псалтыри образ оленя, стремящегося к источнику водному и символизирующего душу, стремящуюся к Христу (Пс. 41: 2), и сюжет об охотнике и олене: *яко не елене хощеть оуловити, нь источник животнаго Христа, яко напонт оуелененуоу доушоу его*. Главное отличие ЖСД от ЖСФ Гаврюшина видит в том, что «в изложении Феодосия Растко уходит охотиться на оленей, то есть на Христа, в то время как у Доментиана Христос уже «уловил» юношу».

ЖС интересно для нас, во-первых, тем, что в этом памятнике можно наблюдать модификации сюжета об охотнике (и олене), действительно, как об

¹⁴ Гаврюшина Л. К. Бегство Святого Саввы на Святую гору: сербская житийная традиция и ее восприятие на Руси // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2005. Сб. 12. С. 584.

этом свидетельствует и само ЖС, невероятно популярного в Средние века. Во-вторых, тем, что, при всей разнице в художественном решении, в ЖС реализуется тот же символический подтекст, что и в ЖЕ: у охотника оказывается «уеленена душа», то есть на определенных ступенях символического подтекста «ловец» отождествляется со своей добычей и в житии начинается разворачиваться все та же спираль подобий: Христос – ловец – олень – душа, желающая воссоединиться с Христом и т. д. В-третьих, тем, что названный сюжет, как и в случае с Константином-Кириллом Философом или с князем Владимиром, опять же был привлечен в повествование, посвященное выдающемуся историческому лицу, в данном случае – Св. Савве, архиепископу Сербии. Таким образом, сюжет об охотнике и олене, как уже можно было увидеть на приведенных примерах, становится агнографическим топосом, который каждый агнограф решал по-своему.

Однако на основе имеющихся данных мы пока не можем утверждать, что именно ЖЕ явилось прямым образцом для ЖС, хотя Житие римского стратилата, судя по рукописным данным, было хорошо известно в сербской книжности.

Вариант сюжета о явлении рогатого животного (агнца) как посланца небес обнаруживается в Житии Петра, митрополита Московского, одним из источников которого, как нам удалось установить, явилось переводное Житие Алипия (Алимпия). Однако непосредственное воздействие ЖЕ на Житие митрополита Петра вызывает сомнение и требует дальнейшего изучения.

Так или иначе ЖЕ проявилось во многих известнейших литературных памятниках: в житиях Александра Свирского, Никандра Псковского; в Сказании о Мамаевом побойце, Повести о Петре, царевиче Ордынском, Сказании о Феодоровской иконе и др. ЖЕ, скорее всего, послужило образцом для Повести от жития Петра и Февронии Муромских, посвященной редкой для русской агнографии аскезе – супружеству во Христе. Повесть о Петре и Февронии описывает подвиг супружества во Христе «царских сродников». В качестве образцов жития двух супругов могли послужить переводные памятники, также повествующие о святых парах, – жития мч. Адриана и Наталии, прп. Андроника и Афанасии, мч. Галактиона и Епистимии, прп. Ксенофонта и Марии и др., правда, благочестивых супругов-родителей святого описывали оригинальные памятники (жития Авраамия Смоленского, Сергия Радонежского и др.), но в древнерусской агнографии, пожалуй, Повесть – первое и единственное в своем роде житие, посвященное подвижничеству именно супружеской чете, а в русской церковной практике – первая единовременная канонизация супругов. Из перечисленных византийских житий супругов по целому ряду признаков Повести ближе всего ЖЕ. Прежде всего, обращает на себя внимание сходство в сюжете и композиции: и в ЖЕ и в Повести присутствует «прообразовательный зачин» – святой переживает явление Креста (в Повести аналог Кресту – меч) и борется с дьяволом, затем проходит очищение после встречи с дьяволом, в связи с чем появляется образ бани, вместе с семьей лишается имущества, достига-

ет смирения; супруги бегут из дома по воде от несправедного торжества и совершают подвиг странничества, на корабле целомудрие супруги подвергается испытанию, муж при этом пассивен, для жены все оканчивается благополучно. Растительные образы, окружающие жену (в Повести – чудо с деревьями), подсказывают нужные ассоциации с Песней Песен, с пониманием брака как союза Христа и Церкви; герои возвращаются к своему прежнему статусу, поскольку без них начинается государственное нестроение, а затем так или иначе оказываются в «едином гробе», действие начинается и заканчивается в одном городе.

В Повести о Петре и Февронии, за исключением двух случаев, когда агиограф поименно называет авторов цитат (апостол Павел и евангелист Матфей), нет прямых отсылок к источникам и образцам, что вовсе не удивительно для средневекового произведения. Ермолай-Еразм не ссылается на ЖЕ, как, впрочем, не ссылается и на цитируемого им во вступлении Иоанна Дамаскина и других авторов. Перечисленные нами параллели Повести и Жития, изучение которых нужно продолжить, могут быть истолкованы скептиками всего лишь как воспроизведение общей агиографической парадигмы и как результат воздействия как на Житие, так и на Повесть одних и тех же сюжетов мировой литературы. Однако нам думается, что этих совпадений слишком много, некоторые из них (мотив бани, например) можно, конечно, отнести и на счет общехристианской традиции, но сходство в сюжете, решении ряда коллизий, в отборе цитат, выборе некоторых символических параллелей и т. д. заставляет внимательнее присмотреться к этим двум произведениям и, по крайней мере, не сразу отвергать гипотезу о ЖЕ как об одном из возможных образцов древнерусской Повести.

Мы остановились также на одном спорном вопросе в изучении источников Жития протопopa Аввакума. Еще в 1962 г. Н. С. Демкова (Сарафанова) предположила, что ЖЕ является прямым источником сюжета «Сисиний – олень» в рассуждении о Божественной Благодати в Житии протопopa Аввакума. Мы не отвергаем совсем возможности обращения Аввакума к ЖЕ в рассматриваемом фрагменте, но, как показало наше исследование, непосредственным источником сюжета «Сисиний – олень» явилось переводное Житие Св. Артемона, а гипотетическим источником другой параллели из рассуждения Аввакума «Улиан – рысь» мог стать эпизод из Жития Св. Феодора Студита о странноприимце Леоне.

На основе ЖЕ было создано своего рода «анти-житие» – Повесть о царе Аггес. Введение в Повесть прикровенной антитезы «Плакида – Аггей», выразившейся прежде всего в сюжетных «перевертышах», порой пересекающейся с антитезой «Алексий Человек Божий – Аггей», о которой писала Е. К. Ромодановская, призвана, на наш взгляд, усилить основную мысль Повести о том, что царь является таким же простым смертным, как и все остальные: он не святой, он «всего лишь» царь, причем без царских регалий («нагой», по Писанию, – ср. Иов 1: 21; Ек. 5: 14) он ничтожный, никчемный человек, не вы-

зывающий ни у кого даже чувства жалости. Двойник на троне вполне заменяет его, в то время как о Плакиде жалеют царь Траян и весь «синклит», которые в конце концов посылают искать стратилата, поскольку не могут без него обойтись.

* * *

На нашем материале можно увидеть, как под влиянием текстов о Св. Евстафии в древнерусской и славянской книжности и идеологии складывался устойчивый топос – парадигма княжеской святости («Константин Великий – Евстафий Плакида – князь Владимир»). Другой топос, сложившийся во многом благодаря ЖЕ, проявился в агиобиографии церковных деятелей: олень, помогающий обнаружить жилище святого (жития Александра Свирского и Никандра Псковского). В названных памятниках произошло слияние сюжета об охотнике и олене из ЖЕ и об отшельнике и олене, с последним сюжетом славянский и русский книжники могли быть знакомы также по Синайскому патерику.

В зависимости от исторических условий, идеологических и литературных задач в произведениях актуализировались разные аспекты идейного и художественного содержания ЖЕ. Рассмотрение влияния ЖЕ позволило, с одной стороны, выявить особенности восприятия и бытования этого древнейшего произведения, с другой стороны, глубже понять указанные памятники.

В главе четвертой **«Изображения Св. Евстафия Плакиды: иконография и литературные источники»** мы впервые обратились к некоторым вопросам иконографии Евстафия Плакиды с точки зрения ее литературных источников. В разделе 4. 1. **«Иконография и литературные источники»** говорится о том, что привлечение памятников древнерусского (восточнославянского) искусства, по нашему мнению, помогает не только ответить на ряд вопросов, связанных с литературной историей произведения, с особенностями его восприятия, но и подтвердить наши наблюдения над символическим подтекстом ранних переводов ЖЕ. Иконографический материал, хотя и не всегда напрямую связанный с текстом ЖЕ, позволяет высказать ряд наблюдений над тем, как воспринималось произведение средневековым читателем, в качестве которого выступал на этот раз художник. Эти наблюдения в какой-то мере совпали с нашими предыдущими выводами: во-первых, в зависимости от ситуации Евстафий Плакида выступал то как мученик, как, например, на иконе кон. XVII в. «Мученик Евстафий» (Суздаль), то как воин, как, например, в медальоне южных врат собора Рождества Богородицы в Суздале (20-е гг. XIII в.), то как отец семейства или даже как защитник посевов, как на иконе кон. XV в. «Святые Евстафий и Трифон» (Петрозаводск), а то – как удачливый охотник (фреска 1705-1707 гг. «Св. Евстафий с оленем» в диаконнике церкви Св. Николы на Меленках (Ярославль)). Во-вторых, в древнерусском искусстве и литературе оказалась довольно устойчивой древнейшая параллель, сложившаяся, как показали фрески из Софии Киевской (40-е гг. XI в.), не под пером Нестора, хотя и отраженная в Чтении о Борнсе и Глебе, – «Константин Великий – Евстафий Пла-

кида – Владимир Святой». Из названной параллели логически вытекала еще одна аналогия, ставшая известной только благодаря памятникам изобразительного искусства, – «сыновья Евстафия Агапий и Феопист – сыновья Владимира Борис и Глеб». Возможно, последняя аналогия окажется значимой в изучении еще одного древнерусского агиографического цикла – борисоглебского. В третьих, наиболее оригинальные живописные решения, как, наверное, и следовало ожидать, вызвало Чудо на охоте, сюжет которого был особенно распространен в поздней книжной миниатюре и лубке. Чудо на охоте, понимаемое прежде всего как Теофания, стало своего рода визитной карточкой Евстафия Плакиды. Именно внимающим гласу свыше изображен Евстафий на киевском (ок. 1062 г.) и владимирском (Собор Св. Димитрия, кон. XII в.) рельефах в ряду святых воинов. На более поздних изображениях, в лицевых рукописях, создававшихся в демократической среде и для нее, Чудо об олене во многом теряло сложный символический подтекст, характерный для древнейших памятников. Этот процесс отразился и в поздних переводах и редакциях ЖЕ. В двух старообрядческих лицевых списках ЖЕ из собраний ГИМ (собр. Барсова Е. В., № 668. 1779 г.) и РГБ (Сборник из частного собрания Гринבלата М. Е. Рубеж XVIII-XIX вв.), да и в лубочных иллюстрациях становится особенно заметно, что на сей раз художники вдохновились не только Чудом об олене, но и динамичным и увлекательным романическим сюжетом памятника в целом. В *разделе 4. 2* приведен *«Перечень древнерусских изображений Св. Евстафия»*.

В Заключении подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения цикла текстов о Св. Евстафии Плакиде.

Итак, цикл текстов о Св. Евстафии складывался в русской средневековой литературе почти тысячу лет, о его популярности свидетельствуют сотни списков, множество разновременных переводов и редакций. Первые переводы Жития, возникшие в эпоху начального христианства, были созданы и переписывались в соответствии с раннесредневековыми представлениями о «триадности» сакрального текста с его выходом в мистическое пространство. Его поздние переводы близки поучительным повестям, рассказывающим о судьбе частного человека, попавшего в волны «моря житейского».

Можно сказать, что ЖЕ активно участвовало в создании государственной идеологии Средневековой Руси: «Константинова модель», реализованная в Житии, позволила выстроить парадигму древнерусской княжеской святости. В первую очередь, со Св. Евстафием Плакидой был отождествлен князь Владимир, Креститель Руси, сыновья Владимира – князья-страстотерпцы Св. Борис и Св. Глеб, по всей вероятности, были отождествлены с детьми Евстафия, Агапием и Феопистом. Под влиянием текстов о Св. Евстафии в разное время было создано большое количество известных произведений. Сюжет Жития, а также ретроспективные исторические аналогии, связанные с памятником, отразились в древнерусском изобразительном искусстве.

Собранный нами рукописный материал, приведенные факты и наблюдения открыли пути к дальнейшему изучению памятника не только в русской, но и мировой литературе (например, при изучении древнейшей греческой или латинской традиции), а также тех объектов литературы и искусства, с которыми он так или иначе связан. Выработанная нами методика анализа агиографического произведения, общий смысл которой можно определить как продвижение от рукописного источника к интерпретации текста, открывает, по нашему мнению, новые перспективы в изучении агиографии в целом.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Монографии и учебные пособия

1. О славяно-русской агиографии. Очерки / О. В. Гладкова. – М. : РФК-Имидж Лаб, 2008. – 256 с. 16 п. л.
2. Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе IX-XX веков / О. В. Гладкова. – М. : Индрик, 2013. – 912 с. 57 п. л.
3. Житие / О. В. Гладкова // Древнерусская литература. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / А. С. Демин (сост.). – М. : Изд-во МГУ, 2000. – С. 40-45. – (Перечитывая классику). 6,9 п. л./0,3 п. л.
4. Тема любви в произведениях древнерусской литературы // Там же. – С. 13-25. 6,9 п. л./0,8 п. л.
5. Житие Евстафия Плакиды: особенности идейно-художественной структуры / О. В. Гладкова // Литература Древней Руси : коллективная монография. – М. : Прометей – МПГУ, 2004. – С. 25-46. 15,8 п. л./1 п. л.
6. Житие Евстафия Плакиды / О. В. Гладкова // История древнерусской литературы : аналитическое пособие / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; Ин-т мировой литературы РАН им. А. М. Горького. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 257-273. 66 п. л./0,6 п. л.
7. Повесть от жития Петра и Февронии Муромских // Там же. – С. 372-396. 66 п. л./1,7 п. л.
8. Житие Евстафия Плакиды в старообрядческой книжности / О. В. Гладкова // Литература Древней Руси : коллективная монография. – М. : Прометей – МПГУ, 2011. – С. 108-123. 15, 8 п. л./0,7 п. л.

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК

9. Житие Евстафия Плакиды: сюжет античного романа в древнерусском переводном памятнике Киевского периода / О. В. Гладкова // Филологические науки. – 1993. – № 2. – С. 62-68. 0,4 п. л.

10. Агиографический канон и «западная тема» в «Житии Исидора Твердислова, ростовского юродивого» / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2001. – № 2 (4). – С. 81-88. 0,5 п. л.
11. Литературная основа сюжетов житийной иконы «Преподобный Феодосий» из частного собрания В. А. Бондаренко / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2002. – № 1 (7). – С. 51-59. 0,4 п. л.
12. Гимнография и агиография: два взгляда на одно событие (на примере Службы и Жития, посвященных св. Евстафию Плакиде) / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – № 4 (14). – С. 14-16. 0,2 п. л.
13. Античность и средневековье в повести об авве Герасиме и льве из Синайского патерика / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2005. – № 3 (21). – С. 16-18. – 0,3 п. л.
14. Житие Евстафия Плакиды и Сказание о Феодоровской иконе: вопросы текстологии, поэтики и идеологии : [тезисы] / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 3 (29). – С. 30-31. 0,1 п. л.
15. Охотник, олень и гора в «Житии Евстафия Плакиды» / О. В. Гладкова // Русская речь. – 2007. – № 6. – С. 78-82. 0,3 п. л.
16. Рифма в житийных текстах / О. В. Гладкова // Русская речь. – 2008. – № 3. – С. 81-85. 0,3 п. л.
17. Библейские лексические ключи агиографических текстов / О. В. Гладкова // Русская речь. – 2008. – № 6. – С. 70-74. 0,3 п. л.
18. Житие Евстафия Плакиды и Сказание о Феодоровской иконе: вопросы текстологии, поэтики и идеологии / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2008. – № 3 (33). – С. 100-105. 0,3 п. л.
19. Ранчин А. М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М. : Новое литературное обозрение, 2007 (Серия «Научная библиотека». Вып. 60) / О. В. Гладкова // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2008. – № 3. – С.155-159. – Рец. на кн.: Ранчин А. М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях / А. М. Ранчин. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – 576 с. – (Серия «Научная библиотека». Вып. 60). 0,3 п. л.
20. Древнейшие списки Жития Евстафия Плакиды и вопрос о времени и месте возникновения ранних переводов памятника / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 3 (37). – С. 24-26. 0,2 п. л.
21. О трех смыслах в агиографии / О. В. Гладкова // Русская речь. – 2009. – № 3. – С. 67-72. 0,3 п. л.
22. Символика числовых грамматических конструкций в агиографии / О. В. Гладкова // Русская речь. – 2010. – № 1. – С. 65-68. 0,2 п. л.
23. Житие Евстафия Плакиды как источник Чтения о Борисе и Глебе Нестора: вопросы текстологии, поэтики и идеологии : [тезисы] / О. В. Гладко-

- ва // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 3 (45). – С. 30-31. 0,1 п. л.
24. Пространное Житие Константина-Кирилла Философа и Житие Евстафия Плакиды: новые данные об истории текстов / О. В. Гладкова // Вестник славянских культур. – 2011. – № 1 (XIX). – С. 68-74. 0,5 п. л.
 25. Житие Евстафия Плакиды в составе Пазинских фрагментов и славяно-русская рукописная традиция / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 1 (43). – С. 39-52. 0,6 п. л.
 26. Лексические дублеты в ранних славянских переводах / О. В. Гладкова // Русская речь. – 2011. – № 1. – С. 83-85. 0,1 п. л.
 27. Обстоятельства крещения князя Владимира / О. В. Гладкова // Русская речь. – 2011. – № 3. – С. 66-69. 0,2 п. л.
 28. Житие Евстафия Плакиды как источник Чтения о Борисе и Глебе Нестора: вопросы текстологии, поэтики и идеологии / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2012. – № 1 (47). – С. 28-38. 0,6 п. л.
 29. Особенности переводов «Жития Евстафия Плакиды» / О. В. Гладкова // Русская речь. – 2013. – № 1. – С. 95-99. 0,3 п. л.
 30. Калужская редакция Повести о Петре и Февронии Ермолая-Еразма : [тезисы] / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2013. – № 3 (53). – С. 32-33. 0,1 п. л.
 31. Калужская редакция Повести о Петре и Февронии Ермолая-Еразма : [исследование] / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2014. – № 3 (57). – С. 78-89. 0,7 п. л.
 32. Калужская редакция Повести о Петре и Февронии : [научная публикация текста] / О. В. Гладкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – № 1 (59) – С. 135-143. 0,6 п. л.

Другие работы

33. Список жития-романа Евстафия Плакиды в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина / О. В. Гладкова // Литература Древней Руси. – М., 1988. – С. 16-22. 0,4 п. л.
34. Житие Евстафия Плакиды в составе сборника XV в. № 60,ф. 449 Государственного архива Псковской области / О. В. Гладкова // Вопросы сравнительного изучения национальных языков и литератур. – М., 1989. – С. 533-540. – Деп. в ИНИОН АН СССР 21.11.89, № 40183. 0,3 п. л.
35. К истории христианского романа о Евстафии Плакиде (об одном из древнерусских переводов) / О. В. Гладкова // Вопросы лингвопоэтики и литературоведения. – М., 1990. – С. 85-92. – Деп. в ИНИОН АН СССР 12.10.90, № 43022. 0,3 п. л.
36. «Житие Евстафия Плакиды» в составе Великих Миней Четьих митрополита Макария / О. В. Гладкова // 1 Всероссийская научная конференция,

- посвященная Памяти Святителя Макария «Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV-XVI веков» (Можайск, 10-12 июня 1993 г.) : материалы. – Можайск, 1993. – [Вып. 1]. – С. 171-184. *0,3 п. л.*
37. Житие Галактиона и Епистимии в составе Миней Четых митрополита Макария / О. В. Гладкова, Л. Н. Коробейникова // Макариевские чтения : 2 Российская научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Памятники древнерусской культуры» (Можайск, 8-10 июня 1994 года) : материалы. – Можайск, 1994. – Вып. 2, ч. 1. – С. 132-140. *0,4 п. л.*
 38. Житие Евстафия Плакиды в составе Пролога: исследование и тексты / О. В. Гладкова // Герменевтика древнерусской литературы. – 1994. – Сб. 7, ч. 1. – С. 167-184. *1 п. л.*
 39. Житие Евстафия Плакиды: в поисках текста / О. В. Гладкова // Наука в России. – М., 1995. – № 2. – С. 60-65. *0,4 п. л.*
 40. История текста христианского романа о Евстафии Плакиде / О. В. Гладкова // Литература Древней Руси. – М. : Прометей, 1996. – С. 29-43. *0,9 п. л.*
 41. Византийская агиография в древнерусской литературе (на примере Жития Евстафия Плакиды) / О. В. Гладкова // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998). Доклады российской делегации. – М. : Наследие, 1998. – С. 46-55. *0,6 п. л.*
 42. Византийская агиография в древнерусской литературе (на примере Жития Евстафия Плакиды) / О. В. Гладкова // XII Międzynarodowy Kongres slawistów. Kraków 27 VIII-2 IX 1998. Streszczenia referatów I komunikatów. Literaturoznawstwo, folklorystyka, nauka o kulturze / Opracowanie Lucjan Suchanek, Lidia Macheta. – Warszawa : Energeia, 1998. – S. 183-184. *0,1 п. л.*
 43. Житие Евстафия Плакиды // Энциклопедия литературных героев: русский фольклор и древнерусская литература. – М. : Олимп ; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – С. 70-73. *0,2 п. л.*
 44. Отношение к слову и событию в X-XIV вв. (на примере двух древнерусских переводов Жития Евстафия Плакиды) / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. V Российская научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Вехи русской истории в памятниках культуры» : материалы. – Можайск : Можайск-Терра, 1998. – Вып. 5. – С. 584-594. *0,6 п. л.*
 45. Сказание об Евстафии Плакиде // Все шедевры мировой литературы в кратком изложении. Сюжеты и характеры. Русский фольклор. Русская литература XI-XVIII веков : энциклопедическое издание. – М. : Олимп ; ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. – С. 166-169. *0,2 п. л.*
 46. Тема ума и разума в «Повести от жития Петра и Февронии» / О. В. Гладкова // Герменевтика древнерусской литературы. – М. : Наследие, 1998. – Сб. 9. – С. 223-235. *0,8 п. л.*

47. The Life of St. Eustathius Placidus: Evolution of the perception of the hagiographic text in Slavic-Russian manuscript tradition / O. Gladkova // Культуре към раннохристиянски светци от Централна и Югоизточна Европа. – София, 1999. – С. 16-17. 0,1 п. л.
48. Житие Евстафия Плакиды: византийский текст и славяно-русский перевод / О. В. Гладкова // Герменевтика древнерусской литературы. – М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. – Сб. 10. – С. 629-643. 0,9 п. л.
49. Как переводить средневековые агиографические тексты? / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. VII Российская научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Монастыри России» : материалы. – Можайск : Можайск-Терра, 2000. – Вып. 7. – С. 390-402. 0,8 п. л.
50. Непривычная литература / О. В. Гладкова // Слово Древней Руси / О. В. Гладкова (сост.). – М. : Панорама, 2000. – С. 5-14. – (Библиотека славянской литературы). 27,5 п. л./0,6 п. л.
51. Житие Евстафия Плакиды // Там же. – С. 56-69. 27,5 п. л./0,8 п. л.
52. Евстафий Плакида, Владимир I Святой, Дмитрий Донской / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. VIII Российская научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Русские государи – покровители православия» : материалы. – Можайск : Можайск-Терра, 2001. – Вып. 8. – С. 553-564. 0,6 п. л.
53. Житие Евстафия Плакиды в составе Четий-Миней Димитрия Ростовского / О. В. Гладкова // V Научные чтения памяти И. П. Болотцевой. – Ярославль, 2001. – С. 110-121. 0,7 п. л.
54. Византийский роман / О. В. Гладкова // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 508-509. 0,1 п. л.
55. Житие / О. В. Гладкова // Там же. – Стб. 545-546. 0,1 п. л.
56. Мартирий / О. В. Гладкова // Там же. – Стб. 712-713. 0,1 п. л.
57. Миней Четий / О. В. Гладкова // Там же. – Стб. 746-747. 0,7 п. л.
58. Переводная литература Древней Руси / О. В. Гладкова // Там же. – Стб. 729-730. 0,1 п. л.
59. Пролог / О. В. Гладкова // Там же. – Стб. 829-830. 0,7 п. л.
60. Торжественник / О. В. Гладкова // Там же. – Стб. 1077. 0,1 п. л.
61. Где и когда было переведено «Житие Евстафия Плакиды» (предварительные замечания) / О. В. Гладкова // Международная конференция «Мир житий» (Москва, 3-5 октября 2001 г.) : сборник материалов. – М. : РФК «Имидж-Лаб», 2002. – С. 26-37. 0,5 п. л.
62. Икона «Преподобный Феодосий»: проблемы текста / О. В. Гладкова // И по плодам узнается древо : русская иконопись XV-XX веков из собрания Виктора Бондаренко. – М. : Военный Парад, 2003. – С. 593-597. 0,4 п. л.
63. Редакции и виды Жития Евстафия Плакиды эпохи митрополита Макария: основные тенденции / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. X Российская научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Русская

- культура XVI века – эпоха митрополита Макария»: материалы. – Можайск : Можайск-Терра, 2003. – Вып. X. – С. 477-486. *0,6 п. л.*
64. Фреска «Чудо на охоте» из церкви Николы Меленки в Ярославле и другие изображения святого мученика Евстафия Плакиды: иконография и литературные источники / О. В. Гладкова // VII Научные чтения памяти И. П. Болотцевой. – Ярославль, 2003. – С. 118-134. *0,9 п. л.*
65. Мотив морского путешествия в античном романе и агиографии (некоторые наблюдения) / О. В. Гладкова // *Da Ulysse a... Il viaggio per mare nell'immaginario letterario ed artistico. Atti del Convegno Internazionale (Imperia, 10-11-12 ottobre 2002)*. – Pisa : ETS, 2003. – P. 49-53. *0,3 п. л.*
66. Житие Евстафия Плакиды: от Нестора до Милорада Павича / О. В. Гладкова // *Герменевтика древнерусской литературы*. – М. : Языки славянской культуры ; Прогресс-традиция, 2004. – Сб. 11. – С. 281-320. *1, 6 п. л.*
67. Житие Евстафия Плакиды в составе «Римских Деяний» и «Великого Зерцала» / О. В. Гладкова // *Макариевские чтения. 11 научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Патриарх Иоаким и его время» : материалы*. – Можайск : Можайск-Терра, 2004. – С. 248-255. *0,2 п. л.*
68. Царь-нищий (к вопросу об источниках «Повести о царе Аггее») / О. В. Гладкова // *Макариевские чтения. 12 научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Иерархия в Древней Руси» : материалы*. – Можайск : Можайск-Терра, 2005. – С. 310-318. *0,3 п. л.*
69. Житие Евстафия Плакиды: известные и неизвестные переводы и редакции XVII в. / О. В. Гладкова // *Герменевтика древнерусской литературы*. – М. : Знак, 2005. – Вып. 12. – С. 482-516. *1,3 п. л.*
70. Об одной палестинской традиции в Жизнеописании преподобного Серафима Саровского (сюжет о приходе медведя) / О. В. Гладкова // *Макариевские чтения. 13 научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Преподобный Серафим Саровский и русское старчество XIX в.» : материалы*. – Можайск : Можайск-Терра, 2006. – Вып. 13. – С. 280-293. *0,5 п. л.*
71. Чудо об олене в Житии Евстафия Плакиды и в ранней славяно-русской агиографии / О. В. Гладкова // *Rossica Antiqua – 2006*. – СПб., 2007. – С. 160-171. *0,6 п. л.*
72. Изображения Св. Евстафия Плакиды: иконография и литературные источники / О. В. Гладкова // *Вестник Общества исследователей Древней Руси за 2002-2003 гг.* – М. : ИМЛИ РАН, 2007. – С. 101-113. *0,9 п. л.*
73. Испытания на воде: западные и восточные параллели Повести от жития Петра и Февронии / О. В. Гладкова // *Макариевские чтения. 14 научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Московская Русь и Западный мир» : материалы*. – Можайск, 2007. – Вып. 14. – С. 232-239. *0,3 п. л.*

74. Житие Евстафия Плакиды как возможный источник Повести о Петре и Февронии Муромских (к постановке вопроса) / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. 15 научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Москва – Третий Рим» : материалы. – Можайск, 2008. – Вып. 15. – С. 242-262. *0,9 п. л.*
75. Евстафий Плакида / О. В. Гладкова // Православная энциклопедия. – М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. – Т. 17 : Евангелическая церковь чешских братьев – Египет. – С. 313-317. *0,6 п. л.*
76. К вопросу об источниках и символическом подтексте «Повести от жития Петра и Февронии» Ермолая-Еразма / О. В. Гладкова // Герменевтика древнерусской литературы. – М. : Знак, 2008. – Сб. 13. – С. 537-569. *1,9 п. л.*
77. Видение Агнца в «Житии митрополита Петра» / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. 16 научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Христианская символика» : материалы. – Можайск, 2009. – Вып. 16. – С. 467-477. *0,4 п. л.*
78. Греческое Житие Евстафия Плакиды и представление об идеальном правителе в Древней Руси / О. В. Гладкова // Второй Российско-Греческий Форум гражданских обществ «История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке.» : материалы. – М. : РФК-Имидж Лаб, 2010. – С. 134-138. *0,3 п. л.*
79. Житие Евстафия Плакиды в составе славяно-русских Четых Миней / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. 17 научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Книжники и книжность Древней Руси» : материалы. – Можайск, 2010. – Вып. 17. – С. 264-278. *0,6 п. л.*
80. К вопросу о символическом подтексте «Повести об авве Герасиме и льве» из Синайского патерика / О. В. Гладкова // Герменевтика древнерусской литературы. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Вып. 14. – С. 398-437. *1,5 п. л.*
81. Ранние славянские и русские списки Жития Евстафия Плакиды в собраниях российских и зарубежных библиотек / О. В. Гладкова // Герменевтика древнерусской литературы. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Вып. 15. – С. 628-676. *1,2 п. л.*
82. Житие Евстафия Плакиды в Софийском, Успенском и Царском списках Великих Миней Четых митрополита Макария / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. 18 научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Воинство земное – воинство небесное» : материалы. – Можайск, 2011. – С. 391-402. *0,5 п. л.*
83. Образ пастыря в разных переводах и редакциях Жития Евстафия Плакиды IX-XVII веков / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. 19 научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Русь исконная – Русь крещёная» : материалы. – Можайск, 2011. – Вып. 19. – С. 400-411. *0,5 п. л.*

84. Житие Евстафия Плакиды: «монашеская» версия житийного романа (к истории агиографического текста в славянской и русской рукописной традиции) / О. В. Гладкова // *In stolis repromissionis. Светцы и святость в Центральной и Восточной Европе* / А. Ангушева-Тиханова (ред.), М. Димитрова, Р. Костова, Р. Р. Малчев. – София : РОД, 2012. – С. 427-446. *0,7 п. л.*
85. Русские и славянские переводы польских текстов, посвященных Св. Евстафию Плакиде (по рукописным и старопечатным источникам XVII в.) / О. В. Гладкова // *Slavia Orientalis*. – Warszawa, 2013. – Т. LXII, № 1. – С. 119-134. *0,7 п. л.*
86. Находка в Калужском областном краеведческом музее (о новой редакции Повести о Петре и Февронии Ермолая-Еразма) / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. 20 Российская научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Священные войны России» : материалы. – Можайск, 2013. – Вып. 20. – С. 398-406. *0,4 п. л.*
87. Переводное Житие Евстафия Плакиды и Житие Никандра Псковского (к истории создания русского памятника) / О. В. Гладкова // Литература, фольклор: текст, проблемы и методы исследования. – Курган, 2013. – С. 25-29. *0,2 п. л.*
88. Богоявление правителю в древнерусской книжности / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. 21 Российская научная конференция, посвященная Памяти Святителя Макария «Православие и священная государственность» : материалы. – Можайск, 2014. – Вып. 21. – С. 365-374. *0,4 п. л.*
89. Библейский мотив «съедания свитка» в Житии преп. Сергия Радонежского и других агиографических памятниках (к вопросу о символическом подтексте главы «Яко от Бога дасться ему книжный разум, а не от человек») / О. В. Гладкова // Макариевские чтения. 22 Российская научная конференция «Преподобный Сергий Радонежский и Московская Русь» (Можайск, 25-27 июня 2014 года) : материалы. – Можайск, 2015. – Вып. 22. – С. 290-312. *0,5 п. л.*

Отпечатано ИП Ткачев А.Ю.
127224, Москва, ул. Грекова, д.8
Заказ №127
Объем 2,5
Тираж 120 экз.